

АЛЕКСАНДР ЗАРУБИН

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

КНИГА ПЕРВАЯ. «ОТПУСК НА СЧАСТЬЕ»

Александр Зарубин

Культурные особенности.

I. Отпуск на «Счастье»

«Издательские решения»

Зарубин А.

Культурные особенности. I. Отпуск на «Счастье» / А. Зарубин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937328-1

«Счастье». Планета, похожая на рай. Ее пейзажи вешают в рекрутинговых пунктах — вступай во флот, парень, служи — и попадешь в мир зеленой травы, моря, джунглей и яркого солнца. Ненадолго. На пару недель. Отпуск в раю, отдых от казенных стен и корабельной рутины. Очередной корабль, очередная партия отпускников спускается вниз — и выясняет, что человек, тварь такая, и в раю сумеет устроить себе ад кромешный.

ISBN 978-5-44-937328-1

© Зарубин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Пространство. Прибытие	6
Глава 1. Эрвин. Космопорт. Высадка	13
Глава 2. Эрвин. Остров. Размещение	28
Глава 3. Эрвин. Материк. Самоволка	37
Глава 4. Эрвин. Материк. Деревня	43
Глава 5 Эмми. Эрвин. Материк. Путь домой	53
Глава 6 Миа. Эрвин. Остров. Шелест камыша	59
Глава 7 Пространство. Проверка документов	65
Глава 8 Ирина. Остров. Культурные особенности	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Культурные особенности I. Отпуск на «Счастье»

Александр Зарубин

© Александр Зарубин, 2018

ISBN 978-5-4493-7328-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-7329-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Пространство. Прибытие

Стыдно было признаться, но капитан Блейк любил солнечные паруса. Молва и обычай не позволяли суровому капитану любить что-нибудь, кроме тягучего тарианского рома, водки и портовых шлях – и то и другое лишь за количество. Но даже зеленый ром портовые скоты умудрились испортить, девчонок – тем более, а паруса не портились никогда. Пять лепестков, пятьсот метров тонкой пленки силового поля растягивались от кормы его старого, потрепанного жизнью грузовоза. Поток энергии от короны свирепой звезды бился о них, разгоняя корабль. Бился, мигал искрами и всполохами света – зелёными, как леса тары, жёлтыми и оранжевыми как солнечный восход и ало-багровыми – как текущая по ножу струя крови. Пляска энергий трепетала, узор искр не повторялся никогда – и с каждым уловленным полем фотоном, с каждой яркой, переливающейся искрой энергия скользила по кабелям вниз, в накопители транспорта.

– Красиво, однако, – сказал сам себе капитан, отведя глаза от ярких сполохов на унылые зелёные огни корабельного пульта. Ползунки индикаторов зарядки уверенно ползли вверх.

– Хорошо, – подумал он ещё раз, – звезда сейчас злее обычного.

Это и впрямь было хорошо. Для его старого транспорта, загрузившего полный трюм на луне Геллера и набравшего разбег, чтобы уйти прочь – подальше от унылой шахтерской базы, к холодному блеску внешних планет. Набрать скорость, поймать ледяной гигант за юбку гравитационного поля, развернуться – изящно чиркнув краем паруса об атмосферу – и уже на инерции уйти домой. Ближе к солнцу и мягкому, живому теплу. На горящую колдовским огнём жизни планету со звучным названием «Счастье».

К орбитальным станциям, серым стенам, рому, измотанным шляхам и одинаковым кабам... Капитан щёлкнул костяшками пальцев, потянулся в кресле и подумал, что будь его воля – умник, так назвавший планету, лишился бы кой-чего важного в организме. Чтобы не издевался так над людьми. Да и девчонкам с того радость будет.

Впрочем, умник сидел в высоком кабинете на далёкой Земле и достать его капитан не смог бы и при желании. Так что капитан Блейк щёлкнул костяшками ещё раз и усилием воли вернул мысли в круг более приземлённых вещей. Например, к вопросу, включать ли бортовой радар сейчас или погодить. Космос вокруг был черён, как душа таможенника и пуст, как карман после его визита. И энергия в накопителях лишней не бывает никогда. Но... Тут капитан вспомнил последнюю стоянку, ром в стакане, тусклый свет лампы под потолком, компанию за столом напротив – вроде бы случайные люди, но... больно уж рожи невинные для случайной встречи. Вспомнил – и вдавил большим пальцем кнопку пульта. Зажёгся обзорный экран, полосы индикаторов дёрнулись, прыгнули вниз – радар заработал, забирая энергию накопителей. И – почти сразу – раздирающая нервы трель. Тревожный зуммер. Контакт. Капитан подобрался в кресле – рывком, вмиг. Сдёрнул ноги с пульта. Пальцы обеих рук пробежали по кнопкам – легко, как маэстро по клавишам.

Предчувствие не соврало. Свою энергию радар отработал. Массивная и – по засветке видно – тяжёлая тень шла позади, параллельным грузовику курсом.

– Внимание, – проскрипел механическим голосом бортовой компьютер, – радаром обнаружен неизвестный объект. Идёт параллельным курсом.

Новый зуммер. На экранах, за точкой объекта – вспыхнули сполохи, нитями, тонкие будто кометный хвост.

Уточнение расчётов... Объект увеличил скорость, дистанция сокращается.

На обзорном экране мелькнул яростный, злой огонёк. На объекте включили движки, щедро окатив космос потоками плазмы из главного двигателя. Зуммер противно заверещал. Капитан вдавил кнопку внутренней связи и коротко, на выдохе, рявкнул:

– Моли, у нас проблемы.

– Айе, сэр, – протяжно отозвалась бортстрелок. Гортанный, на вдохе, голос, странный акцент. Не человек – тень, абрис в углу экрана. Золотые глаза, зрачок вытянут, по кошачьи, в нитку. Точёное лицо. Будто земной скульптор резал его ножом по белой, слоновой кости. Чёрные спирали и молнии татуировок по щекам. Та, что на левой означала плодородие, на правой – страсть, но этого капитан ещё не имел случая проверить. Ещё была алая точка на веках, в углу – заклинание на верный прицел. Вполне рабочее, в этом капитан давно убедился.

Взвыли моторы – люк на корпусе транспорта ушёл вниз, выпуская на волю турель тяжёлой плазменной пушки. Поле погасло, солнечный парус свернулся вниз, открывая Моли сектор обстрела. Через полуоткрытые двери в рубку влилось запах дыма и монотонный звук сверху, с оружейного пульта – три ноты на мелодичном чужом языке. Туземка со Счастья завела свою песню, как всегда перед боем. Среди её татуировок был и христианский крест, но капитан не думал, что это молитва.

Зуммер запел опять. Из динамиков – кашель и хрип. Передача.

– Эй, на торговце. Говорит капитан Хетч. Отстрели трюм и никто не пострадает...

Капитан усмехнулся. «Ищи дураков в другом месте, парень»...

– Слушай меня, Хетч, – проговорил он в ответ. Медленно, чётко, зная как коверкает и крутит голос связь на таких дистанциях, – теперь слушай меня.

На борту пятьсот, повторяю, пятьсот тонн прометиума. Общей стоимостью пять лимонов в федеральной валюте. Сдать такой куш без боя – меня звезды засмеют.

Из динамиков – ругань и лающий хрип. Передача оборвалась. Компьютер монотонно пищал, сыпал цифрами – скорость, курс и опознанные параметры пирата.

– А он большой, сволочь, – медленно, задавая ритм стуком пальцев по пульта, думал капитан, – Куда больше нашего кораблика. Пушек, наверное... Впрочем, ему придётся бить только наверняка, ракетами в стык между корпусом и трюмом. А то бабахнет груз – и все. Я сижу на облаке и ржу, а у мастера Хетча не рейд, а одни убытки. Так что ракетами и только в упор. Ну, пусть сперва подойдёт.

Монотонное пенье тянулось из оружейки, лилось, обещая пирату что угодно, кроме легкой прогулки. Нота, другая, опять. Ритм повторял себя раз за разом, компьютер уныло пищал, время тянулась по капле, медленно, как перед взрывом. Капитан коснулся пульта – бережно. Чуть повернул корабль вокруг оси. Энергии ушло – чуть, но стрелку так будет удобнее. Песня дрогнула, зависла на одной ноте. Они с Моли летали долго – достаточно, чтобы знать как выглядит «спасибо» на боевом диалекте туземцев. С пульта – короткий писк и мигание. На экране – новая точка в углу. Контакт. Опять. Ещё один корабль попал в луч радара.

Капитан глянул – и выбросил новую метку из головы. Слишком далеко и идёт не параллельным – пересекающимся курсом. Под острым, к ним с пиратом углом. Даже если это браткаботажник – слишком далеко и вмешаться не сможет, если захочет. Не стоит корпоративная премия за доброе дело энергии на разворот, не говоря уже о перегрузках.

– Нет уж, здесь сам на себя, – сказал себе капитан, прикидывая, под каким углом пройдет бой и как ловчее встать, когда придёт его черёд – крутить корабль вокруг оси и жечь пиратские ракеты ударами двигателей. Но до этого ещё...

Дикарский напев взорвался, взлетел ввысь короткой, трепещущей нотой. Дёрнулись полоски индикаторов, завывла турель.

– Моли, хурасдоч, заряд побереги, – рявкнул было капитан, – далеко, слишком...

Моли так не считала. Явно. Турель выплюнула три залпа – два коротких, пристрелочных, на минимальной мощности и тут же – на полной. Ярко-алой, режущий глаз струёй плазменного огня.

– Курвасса... – прохрипел ругательство капитан. И осёкся. Россыпь алых точек по тактическому экрану. Россыпь искр – по силуэту пирата. Россыпь вторичных взрывов. Прямое попадание.

– Моли, ты молодец.

В ответ – короткий, варварский клич и серия яростных залпов. Попадание, ещё одно. Пушка грузовика слишком слаба, чтобы пробить броню, но на пирате сейчас горел и плавился в плазменных вспышках весь наружный обвес. Антенны, кабели, люки торпедных шахт. Кометным шлейфом – россыпь огней за кормой. Хетч, или как там его, не выдержал, добавил ускорения своему кораблю. Хочет выскочить из-под обстрела, пират. Капитан ухмыльнулся и дал осторожный импульс на тормозные. Чуть-чуть, авось враг увлечётся и проскочит точку контакта.

Из оружейки – протестующий вопль и вполне человеческое, земное, ругательство. Моли не успела перевести прицел, залп ушёл в пустоту. Капитан извинился. Зуммер завывл. Резким, скребущим по нервам звуком.

Капитан дёрнулся и перевёл взгляд на экран. Третий, чужой корабль сменил курс и шёл на них. Пулей, по немислимой дуге, стрелой в оперении ракетного шлейфа.

– Он охренел, – прошептал капитан, не веря глазам. На его глазах в соплах чужака сгорело топлива больше, чем он тратил за рейс. Да что топливо – на такой дуге корабль размажет

перегрузкой. То есть уже размазало... Но нет, чужой корабль завершил разворот. Невозможно. Разве что у чужака гравиакомпенсаторы на борту. Но их каботажникам не дают, только...

– Всем тихо, мальчики. Убрали пушки и спать, – внезапно ожила радиосвязь, – Майор Пегги Робертс, федеральный флот. Всем тихо, пока я не расстроилась.

Экран задрожал и сменил картинку. На связи – пилот чужака. Десантный скафандр, зеленый мундир. Смятые длинные волосы, красные с перегрузки глаза.

– Видать хреновые у них компенсаторы, – сказал сам себе капитан, вдавливая вниз кнопку отбоя. Быстро, пока Моли от пушек не успела возмутиться, что-то сказать, или, не дай бог, выстрелить. Нервы пирата оказались не столь крепкими.

– Пошла ты в задницу, сука, – глухо взревел тот. Вспыхнул ракетный шлейф. Пиратский корабль рванулся вперед, набирая ускорение.

– Куда? – оскалилась с экрана федеральный майор. Дёрнула лицом. Потрепанным, в складках, острых как зазубрины на обухе мачете. Связь оборвалась. Корабль федералов пролетел мимо. Капитан на миг разглядел его контуры в оптике грузовика. Короткие крылья и острый нос – клюв хищной птицы. Десантный челнок «сорок на сто», рабочая лошадка регулярного флота. Давненько они на Счастье не заглядывали. Мелькнула вспышка на пульте, завыл зуммер – пиратский корабль открыл огонь. Это было впечатляюще, чтобы не сказать больше – к челноку рванул сверкающий меч горячей, ослепительной плазмы. И следом – дымной короной – ракетный залп. Стена огня. Челнок прошёл сквозь неё, качнув крыльями, в вираже, изящном, как балетное па. Капитан – теперь уже зритель – бессильно выругался.

– Были бы у меня компенсаторы – я бы тоже так смог. Наверное, – подумал он. Пластик пульта обиженно хрустнул под кулаками. Моли из башни запела опять – песнь лесистых равнин, гортанную песнь ножа, прощания и смерти. Челнок на экранах прошёл вдоль борта пирата, развернулся и открыл огонь. Россыпь коротких искр под крылом. Облако взрывов по борту цели. Разворот, вспышка тормозного импульса. Капитан подумал, что не хочет гадать, сколько топлива спалили сейчас безумные федералы. Экран мигнул. Опять пилот челнока – как там ее, Пегги Робертс? Теперь она откровенно скалилась.

– Уточните, я сюда должна была идти?

Челнок на миг завис – носом к хвосту пирата. Залп. Взрыв. Белое, огненное колесо, только что бывшее пиратской посудиной. Тяжёлой, хорошо вооружённой, мощной, но – против федерала – всего лишь посудиной. Не помогли Хэтчу броня и пушки. Капитан моргнул раз, другой, пока не ушли с глаз ослепительно-яркие миражи. Вспышка погасла. Космос опять стал черён и пуст, лишь обломки и газ парили облаком на месте взрыва. Даже Моли в оружейке затихла. Умолкла песнь. На миг. А потом экран зажегся опять, зуммер взвыл и капитан Блейк услышал вновь голос федерального офицера.

– Валите отсюда. Полный газ, все что есть – на дюзы и чтобы я вас здесь не видела. Быстро.

Под крыльями челнока мелькнули огни – багровый росчерк прямо по курсу. Предупредительный залп. «Черт, она серьёзно», – прошипел под нос капитан, прикидывая вари-

анты. Их не было. Совсем. Из оружейки донёсся шёпот. Вдруг. Горячий, сухой, не похожий на дикую песню. Капитан вздрогнул. Не для красоты его бортстрелок выжигала христианские кресты на запястьях.

Капитан мотнул головой, прогоняя ненужную сейчас мысль, и ответил

– Тогда стреляй. Сейчас. У меня компенсаторов нет, развернуться корабль не может. Только в гравитационном поле планеты, а на полном ходу мы пролетим мимо него. Так что стреляй и будь проклята.

– Давным – давно, капитан. И, по уставу, стрелять обязана. Но жалко. Так что не дури. Полный на тридцать секунд, потом – двенадцать секунд торможения и стоп. Инерция вынесет прямо к внешней планете. Далеко, но жив будешь. Звезда сейчас злая, без энергии не останешься.

– Топлива не хватит.

– У тебя прометиума полные трюмы. Сам в эфир орал, я слышала. Дороговато, зато живой...

Капитан прикинул. В уме, потом на экране бортового компьютера. Да, получалось. Круг через всю систему, месяц в железной банке, псу под хвост – но получалось.

– У меня есть выбор?

– Нет, – пушки челнока мигнули опять. Под кормой, опять предупредительным. Капитан помянул по матери всю федеральную власть, ввел курс, проверил расчёт ещё раз и вдавил кнопку запуска. С кормы – рев дюз, перегрузка – бешеная, до кровавой пелены и – в ушах – хрустального звона. Грузовик рванул вперёд, оставив далеко за кормой место схватки. Динамики щёлкнули, полилась гортанная речь – Моли из оружейки перехватила связь, спросила о чем-то челнок. По-своему, капитан не понял ни слова. К его удивлению ответ пришёл – короткий, словно печальный. На том же наречии, что и вопрос. И все. Экраны погасли, связь оборвалась. Рёв дюз умолк, в отсеках заплескалась тишина – непривычная на слух тишина, лишь из полуоткрытых дверей полились опять звуки чужого языка – протяжная, тоскливая песня.

– Что это с ней? – подумал капитан. Пожал плечами и щёлкнул пультом, гоняя, от нечего делать камеры наружного наблюдения. И обомлел. Во мраке и тьме, забывая свет редких звёзд, сквозь пространство ломилось нечто. Длинный, узкий, вытянутый угольно-черный силуэт. Широкий в корме, к носу – сужается в зазубренное, острое лезвие. Дуги антенн, тонкий шпиль мостика, портики грузовых люков, исполинские кольца дюз на корме. И главное. Он был огромный. Капитан прикинул расстояние, потом размеры пришельца – и выругался. Не выбирая слов, громко и от души. Так вот кому расчищал путь федеральный челнок. Вот за что дрался безумный майор десанта. На «Счастье» прибыл корабль почтенной корпорации. Нет, не так. Его грузовоз – тоже корабль, но пришельцу он без проблем влез бы в грузовой трюм. Один из многих. Сквозь пространство ломил «Их величество корабль», тяжёлый межзвёздный транспорт федерации. Единственный класс межзвёздных кораблей, способный пройти сквозь ад от Земли сюда и вернуться. Такие корабли приходили на Счастье раз в год. Выгружали новости, начальство и ссыльных, загружали полные трюмы нежной, зелёной «тари» и улетали. Раз в год. Строго говоря – прилёт корабля и означал здесь, в колонии начало года. Иногда они

на Счастье случались длинные... Но этот кончился. Теперь будет праздник, салюты, поздравление губернатора, торговля – легальная и не очень, миллионные сделки и пьяная десантура по кабакам. А по милости судьбы и этой безумной с челнока – капитан все пропустил.

– Впрочем, ладно, – подумал он, щёлкая костяшками пальцев, – не жил богато – и не придётся начинать. Улыбнулся вдруг. Вспомнилось детство, мягкое лето и в небе – огни. Тёплые огни в теплом, синем небе над горами и шпилями дворца. Салют.

– Зато новый год, есть с чем Моли поздравить, – подумал он, вставая с капитанского кресла, – надо же когда-то узнать, что значат все эти её татуировки...

**

Корабль. Тот самый. Если бы оптика старого грузовика капитана Блейка была бы мощна настолько, чтобы передать картинку сквозь мили пространства и метры адамантиевой, тяжелой брони – на верхней палубе гигантского корабля, в каютах старших офицеров увидела бы весьма странную пару. А если бы она еще и звук принимать умела – услышала бы один любопытный диалог. Станный, под стать собеседникам.

– Флот подтверждает – пиратские силы здесь уничтожены. Все, – невысокий, лысеющий и слишком прямой для пятидесяти лет человек улыбнулся и выпустил из руки белый лист. Бумага прошелестела в воздухе, перевернулась и упала – прямо на широкий стол, точно в отведённое ей место в стопке таких же белых, еще пахнущих краской листов. Архаизм, причуда, но господин генеральный комиссионер «Объединённых исследований» мог позволить себе чудачество. Небольшое и не в ущерб бизнесу.

– Вы в это верите? – усмехнулся с другой стороны стола его собеседник. Тусклым золотом сверкнул золотой крест и браслет на широком запястье. Корабельный капеллан в черной, глухой, предписанной саном рясе. Полная противоположность невысокому комиссионеру – высокий, большелобый, с длинной, вьющейся бородой. Упрямые, злые глаза под бровями. Комиссионер усмехнулся

– Пираты уничтожены. Система чиста. В это поверили пилоты, в это поверил и капитан. Даже нашего штатного корабельного параноика – монсьеёра навигатора убедили. Иначе он не дал бы «добро» на подход к планете и стоянку. А для команды это отпуск, ром, контрабанда, и прочие береговые радости...

Капеллан поморщился. Чуть-чуть. На слове «береговые» Комиссионер слегка поднял верхнюю губу. И добавил:

– Люди верят, когда хотят верить...

– А вы?

– Что, я? Верю ли я в это? Я верю в документы. Отчётность. Бюрократию. В архивы, что лежат там, в подвале дворца губернатора. Или в сейфе одного из чинов помельче. Два дня перекрёстной проверки... – комиссионер невольно провёл рукой по столу. В пальцах скользнули листы. С тихим, приятным слуху бумажным шелестом, – и проблема действительно будет решена. Нет бандитов без крыши. А крышу эту я поймаю за руку, дайте срок. И тогда она будет

вежливой, тихой и готовой к сотрудничеству. А потом флот пойдет и зачистит пиратские базы. Как надо, а не как сейчас. Но для этого мне нужно быть на планете, а не здесь. Так что пусть десантники полируют медали, капитан радуется успеху а команда – отпуску. Это полезно. Им всем.

– Что же, господин бюрократ, по вере вашей вам да воздастся, – задумчиво проговорил капеллан. Браслет сверкнул на его руке. Комиссионер поморщился. Немного. Часы-коммуникатор, модель безумно дорогая и до жути безвкусная. Настолько, что комиссионеру казалось иногда, что агент святой церкви на борту таскает её лишь для того чтобы лишний раз задеть тонкий вкус служителя корпорации. Поднял глаза, чтобы лишний раз не встретиться взглядом – и словно укололся о ледяной, яркий свет. Звезды, казалось, плыли в оптике обзорного экрана легко, как облака по синему небу. Затмились на миг, спрятались за переливающимися всеми цветами радуги шлейфом тормозного выхлопа. А потом на экран неторопливо, как королева, вышла планета. «Счастье», яркий оранжево-бело-зелёный шар, весь в нежной фате облаков, светлый и переливающийся. Как игрушка на елке. Дорогая, штучной работы игрушка. Пальцы господина комиссионера невольно сжались в кулак. Тишину прервал рев сирен. Глухой и чуть слышный здесь, на «чистых» верхних палубах и оглушительно-резкий – на «грязных» внизу. Два длинных, резких гудка, потом три подряд – длинных, скребущих. Самый редкий на флоте сигнал. Самый ожидаемый. Его звук вставляли в вербовочные ролики, далеко на Земле. Служи, новобранец, будешь достойным – услышишь заветное:

«Всем поста́м – команде приготовиться к сходу на берег».

Глава 1. Эрвин. Космопорт. Высадка

– Что за ерунда? – невольно вздрогнув, прошептал под нос Эрвин Штакельберг, волонтер флота. Внизу, в полутемном, сыром коридоре нижней палубы рев сигнала оглушал, бил в уши, выворачивал мозг. Мигнул свет – красноватые аварийные лампы вспыхнули на миг, погасли, плюнув на стены чернильной тьмой. Зажглись опять. Вой затих – на миг, чтобы вернуться. Приятель Эрвина, невысокий чернявый паренек в потрепанной синей куртке с нашивками матроса первой статьи вздрогнул и замер на полушаге, прислушиваясь. Даже рот открыл. Это было внезапно, настолько, что Эрвин запнулся, не успев сдержать шаг, Их плечи столкнулись, из рук матроса вырвался тяжелый, обмотанный веревкой, пакет. Полетел было вниз, прямо в лужицу темной воды у забитого стока.

– Смотри, чего творишь, – зашипел на приятеля Эрвин, подхватывая ношу в миллиметре от края чернильной воды, пахнувшей острой химической дрянью с моторных отсеков. Ценную ношу. Черный табак, настоящий. Еще вчера с плантации. Эрвин сильно подозревал, что с его личной плантации, поэтому ломать трюм полез с легким сердцем. В конце концов... Вой повторился. Еще и еще. Матрос замер, раскрыв рот. Пальцы его загибались – паренек считал гудки. Смешно шептал что-то под нос и ерошил на голове черные, торчащие в разные стороны волосы.

– Эй, это что за ерунда? – Толкнул его Эрвин слегка. Дождался ответного взгляда, и повторил вопрос: – Слушай, я такого сигнала раньше не слышал...

– Ты что, – глаза у того расширились было от изумления, потом опали. – это же лучший на флоте сигнал. Отпуск, парень. Гуляем...

– Seriously?

– Ну, да... Тебе что, вербовщик не говорил? – выпалил было матрос.

И ойкнул, невольно поднеся руки ко рту. Но Эрвин в ответ лишь согнул руку. Капелькой крови – нашивка на рукаве. Потертый красный квадрат. «Волонтер флота», знак, означающий, что владелец одного однажды не сумел удрать от рекрутеров. Навсегда. Или, в случае Эрвина – на рейс до Земли. Пассажиров штаткой не предусмотрено а бездельник на борту страшной ядерной бомбы.

– Не говорил. Они вообще ребята молчаливые... Давай ты за него скажи...

Отпуск. Корабль в док, на орбиту, нас вниз, на солнышко. Всех. Это... Заботятся, вроде как, чтобы мы в этой коробке за год мозгами не съехали, да не сгрызли важного кого. Так что – гулять скоро будем, братан.

Эх небо синее да морда красная
я лежу бухой, а жизнь прекрасная...

Парень оскалился, хлопнув ладонями по коленям. Дернулся на горле острый кадык. Эрвин замер, заметив вдруг, сейчас, в красноватом свете аварийной лампы – до чего бледная у того кожа. До синевы, под цвет форменного мундира.

– А сейчас что? – спросил он. Осторожно, больше чтобы скрыть неожиданное смущение.

– Сейчас, – парень задумался, – сейчас, чую, будет большой аврал. Уборка и драйка всего, что блеснуть может... Включая...

– Погодь, – остановил его Эрвин, прежде, чем парень успел уточнить, что конкретно предстоит драить бравым морякам в порядке предотпускного аврала, – это нас пока подождет. Перекурим?

И, не дожидаясь ответа, полез за трубкой в карман. Флотской, железной, обмотанной изолентой у мундштука. Точенного на краденом станке, из краденного на дежурстве черного эбонита... Осторожно присел на кабель у стены. Распотрошил пакет, ухватил, размял в пальцах щепотку. Скатал в шарик, забил, зажег. По коридору, перебивая затхлость и острый химический дух, поплыл сладковатый, тяжелый, кружащий голову запах... Матрос сел рядом. Щелчок зажигалки, светло-серый, струящийся кверху дымок.

– Слушай, брат. Отпуск... Планета эта – Она на что похожа? – спросил Эрвин вдруг, разрывая молчание.

– На рай, – непривычно-тихо ответил матрос не отрывая глаз от медленно плывущей ввысь струйки дыма

**** *

– Если это рай, то спасибо, я лучше в чистилище, – шипел волонтер флота Эрвин Штакельберг себе под нос. Спустя неделю, когда пришел их, волонтерский, черед спускаться вниз в объятия райской планеты. Неделю, забитую беготней, хаосом и бесконечным авралом. Разгрузка, прием топлива, разгрузка опять. Сирены, темные коридоры, неподъемные ящики, матросская ругань, визг стеков и офицерский мат.

– Корабль, красotka наша худеет к лету, – шутили девчонки из трюмной команды – операторы грузовых кранов. Тяжело, устало, смахивая со лба мокрые от соленого пота волосы.

Упругие, выворачивающиеся из рук брандсбойты, пар и струи воды – потоком по серым адамантиевым стенам. Дезинфекция палуб.

– Марфет наводит, красавица, – шутила, вторя подругам, команда очистки. А у самих слезы – потоком из глаз, воспалившихся от едких химикалий.

Эрвина за каким-то лешим погнали в открытый космос – выправлять антенны, никак не хотевшие встать под уставным углом. Выправил – при помощи лома, кувалды и ядреной космической матери, вернулся, и, поддавшись общему потоку, на вопрос – «ну как?» – ответил дурацкой шуткой:

– Теперь и ресницы подвела.

Ряд длинных антенн действительно загибался от люка вверх, подобно томным женским ресницам

А потом взвыли ревуны, и по громкой связи пришла команда – «Работа закончена, командам готовится к высадке на берег». Эрвин сперва не поверил.

Правильно сделал – внизу их встречал космопорт, построенный, за каким-то чёртом в полярной зоне. Райский мир встретил Эрвина снегом в лицо. И новой работой – стоять в оцеплении, охранять поле и ждать. Непонятно чего. Ветер крутил над полем тонкие, сверкающие полосы и круги – вихри позёмки. Над взлётным полем – серым и чёрным ковром. Один край тонул во тьме, на другом тянулся бетонный пирс, а за ним – свинцовое, кипящее море. Пенные волны ревели и бились в причал, оставляя клубы пены на сером камне. С диспетчерской башни метался огонь прожекторов – яростно-белые, слепящие столбы рвали тьму, гоняли пятна света взад-вперед по полю. Искрилась позёмка, снежные кольца извивались, будто плясали джигу в их свете.

– Чертовы федералы, гхалас через колено их мазер, нашли место для космопорта, – выругался парень ещё раз, стряхнул снег с волос – упали и прилипли ко лбу намокшие светлые пряди. Оглянулся и стиснул зубы. Крепко. Кое-кому эти ругательства слышать совсем не надо. И вообще, когда юный Эрвин гостил у дяди в Скалистых горах – далеко дома, на родном Семицветье – вот там был настоящий холод и снег. И ничего.

В ухе дёрнулась, запищала гарнитура приёмника.

– Внимание, говорит диспетчер Лоуренс. Эрвин Штакельберг, волонтер флота – строгий выговор. Не забивайте канал связи. И... – бусинка в ухе была битая, звук немилосердно хрипел и трещал коверкая интонации – от шипения до ехидной издёвки – ... Напоминаю, что уставным языками на территории корпорации являются русский, английский и испанский.

Ветер взвыл, напрочь забив воем остаток фразы. Эрвин мотнул головой и выдал:

– Ты, гхала`с фили, Вайя то мамо. И тех курвасса мит орен что здесь космопорт построили то курца с собой забери. И что в этой фразе не на уставных языках сказано?

– Второе, третье и девятое слово, волонтер. Гаэльский, португальский, сербский и финский к уставным никак не относятся. Кончай языком трепать, парень, пока не узнал, что такое церковное покаяние. И оскорбление федерации заодно... – по ушам, молотом, хлестнул суровый рык. Корабельный капеллан отец Игнатий влез в перебранку, – отставить, я сказал. Во первых – диспетчерская служба это наземный персонал и флотским вы здесь ничего не сделаете.

– А вы, молодой человек, – Это уже к Эрвину, – имейте в виду – здесь не ваше захоlustье, здесь люди говорят на одном языке а не на всех и сразу. Привыкайте, раз попали на флот.

Эрвин просто взял и отключился. Позёмка – витая, серебристая плетть прошелестела змеёй мимо глаз, заставив парня сморгнуть от льдистого блеска.

– Я и говорю на одном. На человеческом, – выругался Эрвин ещё раз в отключенный динамик. Ветер ударил опять, залепив снегом рот и вернув мысли прочь от короткой перебранки.

– Все таки тут, по сравнению с нашими горами, – аккуратно подумал он, переминаясь и перехватывая в руках дробовик, – не мороз а ерунда. Ноль градусов. Стандартная флотская куртка шутя выдержит.

Стандартная флотская куртка Эрвина сейчас кутала плечи Ирки... То есть Ирины Строговой, тоже волонтера из Эрвинова десятка. Не к чему ей слышать эти матюги. Ещё возмутится, куртку назад отдаст да сдуру простудится. Вон сидит у огня – тут Эрвин украдкой обернулся, посмотрел назад, в полутьму. В дырявой бочке трепетал огонёк. Обильно политый бензином моток украденной проволоки чадил изоляцией, немилосердно плюясь дымом и рисуя копотью узоры на лицах матросов его отделения. Вот и Ирка – сидит, повернувшись спиной, прячет уши от холода. Ледяной ветер треплет капюшон, мотает и рвёт сбежавшие из под шапки чёрные пряди. И рука придерживающая воротник – уже белая вся. С моря – рокот моторов, шорох и плеск широкой волны – тупоносый, серый транспортный экраноплан, сложив крылья, упал на воду и замер, покачиваясь на волне у пирса. Люди развернулись к нему, загомонили – все вдруг и разом. Ирка вскочила на ноги, куртка сползла с плеча, с головы слетел капюшон – снежинки, играя, вспыхнули блёстками на ресницах, чёрной косе и короткой чёлке.

– Это за нами? – спросила она. Слова сорвались с губ и улетели – с паром дыхания. Чёрное небо раскололось надвое плазменным вихрем. Звезды померкли. Сразу и вдруг, спрятались от ревушей стихии. В уши ударил гул и рёв раздираемого воздуха. Короткокрылая хищная тень шла круто вниз, верхом на столбе дымного пламени.

– Еще нет, – рявкнул Эрвин. На поле садился корабельный челнок, – что за черт, мы же все уже выгрузили?

Когда их команда улетала – грузовые трюмы уже были пусты. Челнок замер, на мгновение завис, качнув крыльями в воздухе и – в облаке пара – коснулся земли.

Огни прожекторов забегали по полю, засуетились, выстраивая коридор белого света к пирсу. Широкие решетчатые трубы поднялись, как грибы, развернули книзу лепестки воздухопроводов. Поднялась метель, взметнул туманную пелену поток воздуха от тепловых пушек. Охрана космопорта – две линии в полном боевом, две стены гротескно – тяжёлых, чёрных фигур со стволами наизготовку. Полозья челнока ударились о бетон, рёв затих. С протяжным скрипом откинулись люки. Наружу вырвался красноватый, неровный свет и клубы пара. А потом крик. Протяжный, скребущий душу звук, сплетённый из гула сотни голосов, ругательства, окриков и стоны. Взвыли тепловые пушки, гоня поток воздуха вниз, на бегущих людей. Неровной, раздёрганной толпой, ковыляющей, под ругань охраны, из люков челнока прочь – к морю, в трюмы экраноплана.

Эрвин только сейчас сообразил, что под разгрузку последней всегда стоит эмигрантская палуба.

– Опять каторжники, – кто-то громко выругался за спиной.

– Понаехали тут, – прохрипел голосом диспетчера включенный динамик. В лицо ударил поток тёплого воздуха – один из грибков – тепловых пушек заклинило на обороте, обдав людей Эрвина потоком затхлого, сырого тепла.

– Давно бы так, – просипел под ухом простуженный голос. Пабло ДаКоста, длинный, тощий матрос, тот самый, что ходил с Эрвином воровать табак с грузового трюма, – задолбали экономить.

– Перебьемся, – прошептал Эрвин в ответ. Осторожно, стараясь не лязгать зубами. Эмигрантской палубе стандартных курток не полагалось. Им вообще не полагалось ничего, кроме воздуха, жратвы и кубического метра пространства от щедрот корпорации – на троих.

– Бесплатный проезд, мать его в душу... – Эрвин договорить не успел. Цепочка стражи дрогнула впереди. Кто-то из встал слишком редко или поскользнулся на гладком снегу. Оглушённые перелётом, ослепшие люди поперли напролом. В уши – рев сирен, свистки капралов и крик. Слитный, тоскливый стон раненного зверя. Эрвин сорвался на бег. Укорочённый флотский дробовик сам собой сорвался с плеча, удобно скользнул ребристой рукояткой в ладони.

– Черт, – прошептал он уже на бегу, – черт побери...

Толпа уже проломила цепь и рванулась – в мороз, ночь, никуда. Мутный, рычащий клубок – протянутые худые руки, всклокоченные головы, искажённые лица – мертвенно-бледные в свете прожекторов. Из плоток рвался пар, выходил, улетал в небеса с каждым криком. Звон в ушах – Эрвин на бегу тряхнул головой. Нет, это звенят о бетон каблуки самодельных ботинок. Пять шагов. Наперерез. Выгаращенные, горящие безумным огнём глаза. Измотанные, оглушённые свободой люди тупо не представляли, что делали.

– Они же помёрзнут насмерть

Предохранитель под пальцами – тугой и промёрзший стальной рычаг. Выстрел. Оглушительно-громкий, уши заложило на миг. Струя огня из ствола. Первый патрон, Картечь. Россыпь искр, снега и льда – в землю, людям под ноги, почти у носков сапог. Кто-то закричал. Огромный, бородатый мужик впереди замер, качнулся, машинально вытер кровь с лица и удивлённо посмотрел на руку – дробина прошла рикошетом, распоров щеку. Кто-то упал. Серая тень скользнула мимо Эрвина, в темноту за спиной.

– Назад, – заорал он. Щёлкнула скоба, досылая в патронник новый патрон. Второй – резиновая, останавливающая пуля. Вроде. Палец на миг застыл на крючке спуска.

– Надеюсь, я не ошибся при зарядке, – Эрвин поднял ствол и выстрелил ещё раз – в самого громкого. Прямо в заросшее, изломанное яростью лицо. Человек упал. Толпа качнулась. Щелчок скобы. Третий заряд – снег под ногами людей опять взорвался россыпью искр. Картечный залп. Шаг вперёд. Левая рука стиснула ложе ружья. Истоиво, до побелевших пальцев. Правая толкнула скобу вниз, до щелчка и вверх с точностью метронома. Заряд ушёл в ствол. Третий.

– Назад, – заорал Эрвин, шагнув прямо на толпу. Над головой – оглушительный треск и скрип ржавого железа. Тепловая пушка развернулась наконец. В лица людям ударил, закружил волосы холодный ветер. Толпа замерла. Попятилась. Запал пропал – Эрвин видел, как люди начали переглядываться недоуменно – на поле и друг на друга. Будто спрашивали – куда их вдруг занесло и что они сейчас только что натворили...

Завыла сирена. Из-за спины – лязг стали и тяжёлый топот шагов. Протяжный голос спросил:

– Эрвин, все ли в порядке? – голос, звенящий весенним ручьём. Стало даже теплее. Немного. Ирина Строгова. Эрвинов десяток подоспел. Парень тряхнул головой и вдруг понял, что схватка заняла секунд тридцать, от силы.

Толпа, глухо загудев, развернулась и побрела обратно – к берегу, к чёрной, блестящей в свете прожекторов воде, в трюмы экраноплана.

Человек, сбитый второй Эрвиновой пулей благополучно встал и побрёл, запинаясь, за прочими. «Слава богу» – выдохнул парень, до смешного обрадовавшись тому, что не ошибся накануне утром, забивая патроны в дробовик. Чётные – резиновая, нечётные – картечь, все по уставу. На сером бетоне осталась измятая чёрная тень. Лежала неподвижно, кулём, как мешок сброшенный пьяным грузчиком. Эрвин шагнул вперёд, осторожно наклонился. Девчонка, маленькая совсем. Смятые волосы – во все стороны, торчком. Ран не видно, должно быть просто затоптали. Присел, осторожно тронул за плечо – жива ли. Будто шокером коснулся – она дёрнулась, вскочила, будто ужаленная. Попыталась закричать. Ветер налетел, забил крик назад, обратно в бледные губы.

– Тише, все будет хорошо, – прошептала ей Ирина, осторожно боясь спугнуть. Та, опять дёрнувшись, перевела глаза на неё. Дикие пустые глаза. Эрвин невольно сморгнул. У него дома работала такая, из социально-адаптирующихся. Вечно дрожащая тень, с такими же вечно круглыми глазами. Отец запретил с ней общаться. Строго-настрога. Тогда юный Эрвин не понял, почему...

Завыла сирена. Подъехал патруль. Глухие шлемы, чёрная броня, на плечах – гербы и нашивки портовой стражи. Старший высунулся из кабины и заорал – слова сквозь шлем звучали невнятно и глухо. Понятно, что ругань, но какая – не разберёшь. Эрвин вскочил на ноги, очерился, заорал в ответ. ДаКоста скинул с плеча дробовик – невзначай. Щёлкнул скобой. Завыла сирена. Грузовик дал газ. Патруль исчез, подобрал с земли оглушённую эмигрантку. Потом с моря пришёл гул моторов, рокот и плеск волны.

Экраноплан убрал сходни и взлетел, с трудом оторвав от воды широкое брюхо.

– Ты как? Не холодно? – спросила Ирина, осторожно коснувшись руки.

– Нет, совсем, – ответил Эрвин, умудрившись не стукнуть при этом зубами.

А вот корабельный челнок не торопился улетать. Погасли огни – вначале ярко-желтый курсовой, чуть погодя – зелёный и красный на крыльях. Зелёный никак не хотел гаснуть, мелко дрожал, словно подмигивал на прощание. Потом все-таки погас. Захлопнулись люки. Заурчал тягач, подхватывая под нос грозную птицу. Приглядевшись, Эрвин заметил фигуру у хвостовых дюз – высокую, тонкую, в пластинах десантной брони. На его глазах тень откинула шлем, разом, на глазах, став похожей на человека. Ласково погладила ладонью в тяжёлой перчатке обгоревший бок челнока. И пошла прочь. А Эрвин махнул рукой и пошёл ей навстречу.

– Привет, – окликнул Эрвин, когда фигура вышла на свет. Знакомая, даже в броне, фигура.

– Привет, малыш, – ответила Пегги Робертс, пилот челнока. Майор десантных войск, если судить по порывшим нашивкам, – куда намылился?

– На кудыкину гору. Не в курсе, нам долго ещё тут мёрзнуть?

– Неа, это был крайний рейс. Совсем, теперь точно все выгрузили, – десантница говорила, лениво шевеля челюстью. Слова растягивались, лениво плыли над мёрзлым бетоном. Луч прожектора скользнул по её лицу. В морщинах и рытвинах, похожих на годовые кольца – «медалях за беспорочную службу», как шутили на флоте. У Ирины таких нет. Пока нет, они с Эрвином на флоте недавно. Ветер ударил в лицо, смешал волосы, вернув мысли на место:

– Понятно. Раз так – вопрос следующий. Не знаешь – где тут склад?

– А склад тебе на кой?

– Если вся планета такая холодная – я лучше шубу сейчас отожду, не дожидаясь.

Позёмка хлестнула по ногам. Эрвин обернулся. Ирина спрятала лицо за воротник, только курносый нос торчал наружу. И мелко дрожала рука без перчатки.

– Две шубы. Три... Десяток, на отделение. Прикроешь?

– Не парься, малыш, не понадобится. Не врут, планета на самом деле ласковая, – десантница усмехнулась в ответ, дернув лицом. Тонким лицом, холодным и острым, как лезвие, – это космодром здесь засунули в самую холодную дыру. Не просто так, парень, а по науке. Умники корабельные ночи не спали, гадали на розе ветров, да ничего, кроме этого ледника не нагадали. Единственное, как говорят, место где моя птичка может сесть, не поставив местным на уши всю экологию.

– С чего такая забота? У нас, на Семицветье вы не шибко церемонились, видел. Как сядете – пыльная буря от моря до моря...

– Сравнил. Счастье же, не рядовой мир, вроде твоего родного шарика. Стратегический. Тут штормит – до самой Земли пеной брызжет. И обратно, кругом, к Семицветью твоему. Не дай бог чего с экспортом случится – приложит всех, мало никому не покажется.

Рация ожила, прохрипев вдруг голосом капеллана:

– Спасибо за лекцию, Пегги. Кстати, твоего бластера это тоже касается.

– Но падре... – обиженно взвыла та, инстинктивно дёрнув руку вверх, за плечо, к прикладу.

– Быстро, Пегги. Транспорт подходит. Я слежу.

С моря донёлся знакомый утробный рёв. Очередной экраноплан заходил на посадку. С виду – поновее, чем те, что везли эмигрантов. Белый, сияющий в свете прожекторов. На пузатых бортах в две краски нарисована буква V, летящая под парусами. Корпоративный герб.

Экраноплан снизился, выключил моторы и сел на воду тяжёлым брюхом. Плеснула вода. Проектора описали дугу, выстроив перед ним триумфальную арку из белого света.

– Этот наш. Быстрее, парень, надоело мёрзнуть... – и Пегги скрылась из глаз. Эрвин махнул своим – идем, мол.

– Спасибо, – прошептала Ирина, пытаясь вынуть руки из рукавов. Эрвинова куртка была на три размера больше, руки безнадежно запутались в рукавах. Ирина шёпотом выругалась, смешно сморщив нос. Эрвин невольно улыбнулся, протянул руку и рывком вернул куртку назад, Ирке на плечи.

– Потом. Ещё добежать надо...

Как чувствовал – у моря ветер задул всерьёз, выдувая остатки тепла из одежды. Холод пробирал до костей, чёрная волна плескалась и била о пирс, заливая посадочный трап хлопьями белой, пузырящейся пены.

– Наверное, скользко тут, – мельком подумал Эрвин, глядя на шатающийся настил. Подхватил Ирину под локоть. Качнулся под ногой трап. Нога поехала было по влажной стали. Упёрся в заклёпку каблук. Эрвин устоял. С другой стороны его подхватил ДаКоста, дёрнул. Все троём разом ввалились в люк. В тепло и мягкий ласковый свет пассажирского салона.

– Вот теперь все. Точно отпуск, – прошипел, встряхивая головой Пабло ДаКоста.

– Ты как? – спросила Ирка, Протянула руку, придержала Эрвинову ладонь, – холодный совсем.

– Нормально, – ответил было Эрвин, пытаясь понять, шевелятся ли ещё у него пальцы. Зубы выдали предательски – громкую дробь, Ирка охнула. Потом – на счёт раз Эрвина втокнули в куртку, на счёт два – Эрвина, вместе курткой – в кресло. По салону вихрем – стук каблуков, из подсобки долетел укоризненный Иркин голос, и в руки Эрвину втиснулась дымящаяся кружка. Стандартный, безвкусный, но восхитительно-горячий чай. Под ногами мелко задрожал пол, чуть слышный гул движков долетел, ласково вкрался в уши. Башня космодрома в иллюминаторе мягко поползла назад и скрылась из глаз. В стекло плеснуло серым туманом и чёрной водой. Экраноплан оторвался и взлетел, скользя низко над пенными волнами. В салоне приглушили свет. Эрвин сидел неподвижно, чувствуя, как мороком расплзается по телу тепло и усталость. Потянулся оправить куртку, дёрнул на себя. Ткань пахла потом и гарью, холодом космодрома и острым, химическим духом корабля. И ещё одним, тонким непередаваемым. За воротник зацепился чёрный волосок. Длинный и чёрный как ночь, извиляющийся. Эрвин вдохнул щекочущий ноздри запах ещё раз, спрятал нос в воротник и старательно запретил себе думать, о чем бы то ни было. Получилось. А потом он заснул, чтобы проснуться от бьющего в глаза слепяще-яркого света. Рассвет. В иллюминаторе скользили назад волны и берег – поросший лесом, зелёный и тоже яркий, такой что заболели глаза. Их транспорт прорвал носом серый туман и шёл над водой – низко, на юг, навстречу яркому солнцу.

От иллюминатора и проплывающих за стеклом чудных ярко-радужных пейзажей Эрвина оторвал взрыв хохота за спиной. Парень оглянулся, окинул взглядом салон, ряды кресел и сидящих людей. Заметил красную, как рак Ирину, матроса Пабло ДаКосту, художника и взъерошенного

куда больше обычного и бравую Пегги, лениво развалившуюся в двух креслах зараз, закинув за голову стальные, бронированные руки. Та ухмылялась, щеря жёлтые зубы в потолок. Хохот затих, Эрвин дернул лицом. Похоже, пока он спал, прочие пассажиры отмякли, отогрелись в тепле салона и начали развлекать себя, как могли. Извечной забавой людей, оставленных по недосмотру начальства без дела.

«Разберись, кто круче в этой песочнице», именно она. С постоянным составом команд – флотские, против десантуры и полугражданские волонтеры впридачу. Судя по взъерошенному куда больше обычного Пабло ДаКоста и довольно скалящейся Пегги – утихший хохот означал конец первого раунда. Который флот с треском проиграл. Но не расстроился, огляделся и заметил рядом нового противника.

– Ира, вытри лицо, у тебя все щеки в разводах ... – улыбнувшись, сказал он с притворным сочувствием. Ирина, приняв это все за чистую монету, благодарно кивнула. И впрямь, та гадость, что Эрвин жёг для тепла на вымороженном поле космопорта, осела на лбу и щеках разводами серой сажи. Ирина, конечно, в порядок себя привела, насколько позволял примитивный санузел экраноплана, но полностью горелую дрянь не одолела – копоть вьелась в лицо тонкими, затейливыми полосами. Флот понял что новая жертва заглотила крючок и выдал подсечку:

– А лучше не надо. Разводы у тебя – класс, прямо, как у туземной красотки. Один в один.

– Точно, – подхватил другой, – на левой щеке спиралька, на правой – треугольник. И круг. Да ты у нас горячая штучка...

– Чего? – взревела Ирина, разом вспыхнув. Руки невольно дёрнулись в поисках что-нить тяжёлого в ладони. Не нашли, а то шутникам пришлось бы туго. Но те отлично знали, что ничего убийственного в экраноплане нет и выдали добывающий:

– На левой щеке спиралька – точь в точь страсть на местном языке, а треугольник – нежность... Судя по линиям ты у нас не девка а клад...

Ирка замерла, старательно делая вид что её здесь нет и вообще. Но «Не кормить тролля» – тактика хорошая лишь если тролль один. Несколько вполне могут прокормить сами себя синергетическим эффектом. Хохот продолжился. Эрвин встал с кресла. Рывком. Ковровое покрытие на полу – старое, грязное, протертое, но звук шагов прятало хорошо. ДаКоста сидел к нему спиной, ничего не замечая, и разливался. Как глухарь на току...

– Совсем туземочка. И полоска на лбу...

Короткий сухой лязг. Флотский складной нож клацнул пружинами над ухом матроса. Щёлкнул, блеснул на миг тусклым лезвием и спрятался обратно, в роговую рукоять. ДаКоста вздрогнул и подскочил. Майорыша засмеялась в кресле. Звук был каркающий, злой хотя улыбалась Пегги вполне добродушно.

– А полоса на лбу означает, что у девки есть парень. А точки там же – это, ребята, глубина в метрах. На которую он тебя, ДаКоста, зарует, если не заткнёшься. И одно без другого не рисуют никогда, так что вы, парни там осторожнее на берегу... – Пегги хохотнула еще раз ... – Знаки разглядывайте.

Хохот замолк, лишь ДаКоста – как с гуся вода – оскалился. Весело, унывать он, похоже, совсем не умел и переход разборки «кто круче» со слов на ножи ему сейчас был не нужен. А то с ножей до стволов совсем рядом, а там и ядерная бомба недалеко. Или что покруче, вроде корабельных ударных торпед «свет разума».

– Брейк, парни, – подвела итог Пегги, махнув бронированной рукой, – замолкли.

Замолкли и вправду все. Даже Ирина забыла сердиться. Моторы выли, пол под ногами чуть слышно дрожал. Берег скользил в иллюминаторах назад и вниз – зеленые пятна леса, охряно-желтые – пляжей и коричневые – скал. Ирка разъяренно фыркала под нос, сводя с лица символы местного алфавита. ДаКоста словно сообразил, что зарвался и украдкой сунул ей тряпочку. Мятую, но чистую. Эрвин перехватил, смочил водкой из фляги, подал Ирине. Та кивнула, достала зеркало и начала яростно тереть лоб и щеки. Спиралька на левой немного поддалась, превратившись в мятую восьмерку. «Интересно, а это что-нибудь значит?»

– Эрвин, распишись, – голос Пегги оторвал его от размышлений.

– В чем? – озадаченно спросил тот. В руки сунули планшет. Тяжёлый корпоративный планшет в футляре из белого дерева. Вспыхнул экран, мигнув Эрвину в глаза заставкой – пикирующий ворон и буква V, плывущая вдаль под белыми парусами. Гербы Федерации и «объединённых исследований» сплелись в нерушимом единстве.

Потом экран мигнул еще раз и пошел текст:

«Я, Эрвин Штакельберг, волонтер флота федерации, вступая на территорию планеты „Счастье“, осознаю, что нахожусь на территории принадлежащей объединённой исследовательской корпорации и законы принятые для защиты и благоденствия этой территории распространяются на меня в полной мере...»

– Что за ерунда? – спросил он, пытаясь в уме перевести юридический крючкотватый язык в понятные мозгу выражения.

– Ерунда и есть. Подпиши, а то не выпустят.

«обязуюсь бережно относиться к собственности, правам и интересам корпорации в этом регионе. По отношению к туземному населению обязуюсь нести рыцарский дух цивилизованного человека, проявлять толерантность и уважение к законным правам и культурным особенностям местного населения...»

– Что за чушь?

– Перевожу. Устроишь войну – сошлют за шкуру то курца... то есть подальше куда.

– Дальше Семицветья не пошлют. А я там родился, – усмехнулся Эрвин. ДаКоста опять заржал, что твой конь. Эрвин щелкнул в экран, открыв новую страницу:

«Матрос, чт и уважай обычаи коренного населения Аборигены – народ древней культуры, живущий в мире и единении с природой своей планеты...»

– Дикари то бишь, – усмехнулся Эрвин и расписался. Но планшет не отдал, сел поудобнее и ткнул в кнопку «справка».

Вначале открылась карта планеты – синие пятна морей, северный материк – береговая линия тянулась от полярных льдов к югу. Изломанная дуга, полная шхер, мысов, архипелагов и одиночных островов. Вдоль берега стена зеленой штриховки – леса или джунгли. Потом желтые пятна равнин и коричневые – горных хребтов. Маркеры человеческих поселений. Корпоративные поселки и станции, помеченные буквой V, жались к берегу, облепив острова и одинокие мысы. Зато россыпь христианских крестов – везде, на островах, в лесу и на равнине. Эрвин скосил глаза вниз, на легенду карты – те, что поменьше – миссии, побольше – полноценные поселки а то и города. Даже название, перечеркивающее дугой континент, было церковным: «Диоцез Утика».

– Территория корпорации, как же... кто тут кого дурит, интересно знать? – подумал Эрвин и перевернул страницу. Потом шли несколько страниц экономики – это Эрвин пролистнул не читая. Про то, что «Счастье» планета важная, он знал и так. Из уроков в школе и из хриплых радиопередач дома, на Семицветье. Монсеньор губернатор все обещался догнать и перегнать соседа по галактике. Если не по прибыли, то хотя бы по объему экспорта. Не вышло... что тот каменный цветок. Эрвин усмехнулся и перевернул страницу.

Фотографии туземцев. Картинка откровенно слабая, края фигур смяты и смазаны, будто снимали на битый аппарат. Контуры едва различимы и то хлеб. Вполне человеческие контуры, даже пол можно на глаз различить. Мужчина и женщина. Две руки, две ноги, широкие лица,

черты – тонкие, правильные. Надеть флотскую стандартную куртку вместо широких вышитых бисером рубаш с бахромой – и не отличишь от человека. Но лучше не надо. Однотонный флотский мундир до смерти надоел, а на рубашках узоры, бахрома и вышивка красивая. По белому полотну – изломанные, тонкие черные линии. Плавно перетекающие с ткани на ладони и лица. Эрвин сморгнул. Танец точек и дуг заворачивал, чтобы не сказать больше.

– ДаКоста трепло, конечно, но тут не соврал, – узоры на фото действительно походили немного на завитушки сажи на Иренином лице. Чья-то рука толкнула его в плечо. Эрвин вздрогнул. Гул моторов затих. Земля в иллюминаторе перестала бежать назад и стояла, лениво покачиваясь туда и сюда. То есть качался экраноплан, осевший на волны прибора.

– Прибыли, парень, – заорал ДаКоста, оскалив в потолок обломанные зубы. Заскрипел люк. В проем ударил солнечный свет – невообразимо яркий, желтый, до боли в глазах. И запах – круто-соленый от моря и пряный, кружащий голову – чужой земли. Зазвенело в ушах. Так, что парню на миг показалось, что он оглох. Но нет, в ушах – плеск волны и шорох листвы под ветром – вместо гула и лязга моторов. Эрвин успел отвыкнуть от этих звуков за перелет. Салон загудел – сотней голосов одновременно. Ирина встала, шагнув было к выходу. Девушек, конечно, положено пропускать вперед. Но Эрвин решил, что это не тот случай, отстранил Ирку и шагнул в люк первым.

Как выяснилось – был прав. Трап немного не доставал до берега. Полоса серой стали зарылась в воду, немного не доходя до кромки песка. Мокрого, белого песка усеянного зелеными водорослями и ракушками, вынесенными прибором на берег. За полосой пляжа – лес, глухой, невообразимо зеленый и шелестящий. И синее, теплое небо вверху. Прокричала, захлопала крыльями птица. Подвернулась нога. Эрвин покачнулся и шагнул мимо сходни – по колено в зеленую теплую воду. Набежала волна, окатила парня брызгами от колен до макушки. С противоположной стороны трапа – бульканье и радостный вскрик – ДаКоста прыгнул в воду прямо от люка, нырнул с головой и вынырнул, весь мокрый, с зеленой ниткой водорослей за ухом, но счастливый, с пьяной от неба и свежего воздуха головой. А за ним скользнула наружу Ирина Строгова, простучала каблуками по трапу, поймала протянутую Эрвином руку и прыгнула – легко и изящно перескочив полоску воды. Ветер вскрутил и раздёрнул знаменем черную косу, плеснула к ногам волна. Брызги вспыхнули на солнце радугой всех цветов, взлетели, окатив синюю ткань. Затежелела, прижалась к ногам форменная синяя юбка. Ирина отдернула ее на ходу и пошла куда глаза глядят, оставив волну за собой – смывать следы. Других человеческих следов этот пляж пока еще не видел.

**

Окружение поменялось – вместо серой стали, фальшивых экранов-иллюминаторов и клепаных стен – стрельчатые окна, пропускающие солнце и прохладный ветерок, резные ставни, деревянные панели на стенах – полированные, с нарядным узором прожилок и годовых колец. Вместо зала собраний в глубине корабля – кабинет ее превосходительства, монсеньора губернатора планеты «Счастье». Вместо холодной черноты космоса за окном – солнечный день, светлый и яркий.

А вот люди внутри кабинета – те же. Отец Игнатий, корабельный капеллан и господин генеральный комиссионер, брезгливо морщащийся всякий раз, когда из-под груды бумаг случайно показывалась блестящая серебром столешница

– У Вас что-то есть уже? – окликнул его капеллан, смотря сверху вниз в окно, на шумящий город, порт, корабли и птиц, скользящих над кромкой прибоя.

– Ничего пока... то есть, стандартный набор – неисполнение, ненадлежащее исполнение в крупных... или особо крупных, пока не пойму, мало данных... но серьезного ничего. Хотя, чувствую, где-то оно здесь есть. Обязано быть. А у Вас?

– У меня от Адама-праотца ничего не меняется. Ложь, гнев, похоть и так далее....

– А разгильдяйства в вашем списке нет? Жалко. Портовые власти умудрились потерять экраноплан. Не наш, один из транспортов со ссыльнопоселенцами. Ничего серьезного, но неприятно...

Речь шла о транспорте №182Б, толстобрюхой старой машине, что ушла от пирса, приняв на борт последнюю партию ссыльных. Предпоследний рейс, как раз перед тем, что забрал с космодрома Эрвина и Ирину.

Старая колымага, потрепанная и амортизированная почти в ноль, но все же

– Впишите уж в заповеди, господин капеллан. Надоело. И кто-то должен за это ответить, – прошептал господин комиссионер, вписывая круглое число в графу «Убыток»

**

Ответить за этот убыток, по идее, должен был местный чиновник, забывший про новомодные правила и впихнувших ссыльных в необорудованный трюм – гуртом, не разбирая статьи, пола и возраста. Или толстый Хьюго – здоровенный громада из Ливерпульских трущоб, решивший воспользоваться ситуацией и вознаградить себя за долгие месяцы вынужденного воздержания. Или Эмма Харт – та самая девчонка едва не затоптанная толпой на вымерзшем ледяном поле. Намерения толстого Хьюго она прочитала едва ли не раньше, чем они пришли в его толстую башку и поступила, как велит инстинкт – скрылась из глаз. Скользнула охраннику за спину, дворовой кошкой – бесшумно растворилась в тенях. Нырнула в люк. Ржавый технический люк, в нарушение правил – распахнутый настежь. Предательски затрещала дырявая рубашка. Над головой загремели, забухали сапоги. Потом в спину полетели ругательства и громкое сопение. Глухой лязг – охранник застрял, технический ход был для него слишком узок. И, к ужасу Эмми, заканчивался тупиком. Клепанной железной стеной, Над головой – сломанные кожухи, толстые, пульсирующие огнем жгуты энергопроводов. Холодным лиловым огнем, в такт сердцу. В уши – треск, звон металла и ругательства. Равнодушные, даже не злые. Охранник лез вперед, ругаясь и зовя – вернись по хорошему, жить будешь.

«После толстого Хьюго не выживают» – с холодной яростью подумала она, подпрыгнула, подтянулась и – слабо понимая что делает – полоснула ножом сплетение энергопроводов. Взрыв отбросил ее назад. Лиловая, холодная вспышка. И рев. Оглушительный рев, лязг и скрежет. Скрежет металла и рев воды. Транспорт был старый, резервный канал не работал уже пять лет. Потеряв два двигателя из четырех, экраноплан закрутился волчком, взвыл и упал, ударившись с маху о черную, холодную воду. Сталь переборок разорвалась, волна ворвалась внутрь, рыча. Рев заглушил крики, пенный поток пролетел по коридорам, сметая с дороги все – контейнеры, ящики, легкие переборки. И людей. Эмми повезло – поток подхватил ее, закружил и пронес

через пробоину в стали противоположного борта. Наружу, прочь, к недалекому берегу. Всем остальным, включая толстого Хьюго, повезло куда меньше.

Эмми поднялась, шатаясь на дрожащих ногах. Тряхнула головой, смахивая со лба мокрые, обрезанные тупым корабельным ножом волосы и долго, пристально взглянула назад. Экраноплан догорал – из серой, пузатой туши транспортника плыли вверх клубы черного дыма. Шипела вода, заливаясь сквозь дыры в проломленный борт. Нос гиганта почти скрылся под черной волной, поник черный хвост, бессильно опали крылья.

– Скоро совсем уйдет под воду. И все. Свобода... – подумала она, невольно переводя глаза вниз, на правую руку. Пальцы еще сжимали универсальный, многолезвийный нож. Крепко, до белых костяшек.

– Свезло мне с тем морячком, – глупо усмехнулась она, вспомнив космопорт, дурацкий рывок и бледного волонтера – при дробовике, но без шапки и куртки. Он так смешно переживал, не покалечилась ли она тогда на поле. И волосы у него – светлые, пшеничные волосы на лбу растрепались и стояли так, что Эмма едва не рассмеялась в голос, сломав себе притворный обморок. Но не рассмеялась, она молодец. Еще и универсальный нож у морячка вытащила, пока он пульс ей щупал. А уж с универсальным ножом лучшая воровка нового Ливерпуля была способна на многое, пилот экраноплана подтвердил бы. Или толстый Хьюго... Воспоминание отдалось спазмом в глотке и судорогой – внизу живота... – если бы скот остался живой. А пока...

Эмма оглянулась опять и, невольно замерев, поняла, что понятия не имеет, что делать дальше. Арест, суд и эмигрантская палуба высосали ее, мысли высохли в голове, схлопнулись в одну точку. В одно слово, точнее – свобода. И вот она, пожалуйста. Волна с рычанием набежала, разбилась о темный песок, обдав Эмму с головы до ног струей белой, искрящейся пены. Справа шумел лес. Высокие, переплетенные друг с другом стволы, мясистые зеленые листья, шелест и крик – кто-то кого-то жрал, там, вдали, во тьме под зелеными ветками. Это были настоящие джунгли, а не бетонные, где она была как дома. А пока... Эмма поежилась. Невольно шагнула назад. Волна налетела опять, толкнула в спину. Закружила. У ближайшего дерева – толстого, зеленого исполина, у самых корней – глаза заметили какое-то движение. Неверное, робкое, похожее на дрожание воздуха. Дома, в трущобах так дрожит газетный лист, смятый и брошенный в решётку воздуховода. Эмма шагнула, не зная куда.

– Эм! Изандла нгемува экханда! – чужой крик хлестнуло ножом по ушам. Повелительно, резко, как свисток охранника, далеко на борту корабля.

Она обернулась. Тень отделилась от дерева, сгустилась, обрела форму. Человек – или нет, не поймешь. Фигура тонкая, куда выше человеческой, обычной. Две руки, две ноги, но кожа просвечивает и переливается, как стекляшки в витринах.

– Эм! Изандла нгемува экханда! – повторила тень. Опять. Слов Эмма не поняла. Но звук последовавший дальше был понятен без словарей. Клац-клац. Лязг стали о сталь. Звук пере-дернутого затвора.

Эмми выдохнула, подняла руки – за голову, медленно, осторожно и побрела. Но украденный у Эрвина нож спрятать успела. Пригодится.

Глава 2. Эрвин. Остров. Размещение

Первые – минуты? часы? эпохи? непонятно, время растворилось, растаяло сосулькой под яростным солнцем – Эрвин брел и брел по песку. Бесцельно, бессмысленно, куда глаза глядят. Кружилась от света и воздуха голова. Ноги, привыкшие к палубам, дрожали и оскальзывались на чёрной, округлой гальке. Шуршал, засыпался в ботинки мелкий песок. Уши невольно искали знакомый ритмичный гул корабельных механизмов, а находили плеск и шум. Море, мягкий шелест листвы и птичьи протяжные крики – непривычные, плавные звуки отдавались звоном в ушах. Вместо красноватой полутьмы отсеков – яркое, до слез, белое солнце, небо – выцветший высокий полог. А плечи по старой памяти вжимались вниз – берегли голову.

Ещё была жара. Тяжёлая, влажная, пропахшая йодом и солью жара, мигом заставившая Эрвина расстаться с курткой, рубашкой и майкой. Пара шагов по песку – и ноги едва не отправили его в полет. Только сейчас он почувствовал, как давит на плечи стандартная флотская униформа. Ещё шаг. Набежавшая волна плеснула, обдала прохладой тяжёлые сапоги. Эрвин, сощурился, посмотрел на солнце, подумал про себя, что дурак, и нацепил рубашку обратно. И майку вокруг головы обернул, а то солнечный удар словить недолго. Ветер накинудся с моря, налетел, закрутил ткань – на арабский манер, тюрбаном. Словно обрадовался новой игрушке. Хрустнула галька под сапогом. Эрвин повернулся к морю спиной и шагнул в лес, шелестящий изумрудно-зеленой листвой по правую руку.

Первые сотню шагов Эрвин прошёл по вымытому водой сухому руслу. Под ногами хрустел слежавшийся белый песок, над головой смыкались аркой зелёные листья и ветки. Деревья – коленчатые, толстые стволы, шелестящие листья – мясистые, напитанные соком. Больше хвои, на вид, чудные даже для Эрвина, уроженца лесов Семицветья. По стволам зелёный мох клочьями. Русло дало поворот. Узкий, заваленный валежником. Полые, высохшие сучья хрустели и с треском ломались под сапогом. За завалом – пара толстых, перевитых узлами стволов, чёрные ветки и мягкая хвоя. Стало светлее даже, повеяло знакомым, мягким запахом прелой листвы. Деревья вокруг похожи на знакомые по родному Семицветью. Такие же, на вид, секвойи и высокие лиственницы – исполинские, заросшие мхом великаны. Мягко пружинил под сапогом ковёр палой листвы. Наверху закричала вдруг, забила крыльями птица. Эрвин поднял голову и увидел крикунью в ветвах – чёрные крылья, лохматой радугой – перья хвоста. Длинный, устрашающий клюв, полный – тут он пригляделся – маленьких острых зубов. «Нет, не птица, – подумал он, осторожно опуская руку вниз, к костяной рукояти ножа, – чудо-юдо какое – то». Чудо-юдо уставило вниз красный глаз, сморгнуло – Эрвин замер, стараясь не злить беду лишний раз – и, тяжело хлопнув крыльями улетело прочь. То ли невкусным показался ей волонтер флота, то ли слишком здоровым для клюва-пасти.

В уши вкрутился знакомый, чуть слышный звук. Корабельная сирена. Должно быть, звали назад. Эрвин тряхнул головой, огляделся – вокруг лес, прямой, зелёной стеной на четыре стороны света. Зашагал на звук – влево, ловя шум моря. Из зарослей – громкий, гипнотический стрекот. Монотонный, ритмический, так стучит на малых оборотах коленчатый вал. На деревьях – кусачие лианы и пахучие, яркие цветы. Бутоны поднимались, раскрывали при шаге нежные алые лепестки – большие, беззубые пасти. Пахло от них... – Эрвин поморщился и решил что этот райский цветок он дарить Ирине не станет. Разве что высушить и спиртом запах отбить. Под ногами – радуга, брызги и радостный звон. Широкий ручей, поток воды срывается вниз со скалы, бьётся о камни, радугой солнечных брызг и, наигравшись, течёт сквозь лесную тишь к морю. Скала – мшистый серый гранит, высокая, залитая солнцем верхушка. Промоины

и трещины в скале – удобные, однако. Это Эрвин подумал, оглядываясь уже на вершине. Зачем залезал – непонятно, из чистого озорства. Сбил дыхание, исцарапал ладони в кровь, зато увидел сверху весь пейзаж – красивый до комка в горле.

Изумрудно – зелёный, переливающийся лес стелился мягким ковром вокруг, драгоценным камнем в короне белого прибоя. Вокруг, сколько хватало глаз, на четыре стороны света. Штормило, ветер пенил шапки на асфальтово-черной воде. На западе, далеко у горизонта – серая туманная полоса. Должно быть, тоже земля, другой берег пролива. Снизу долетел протяжный гудок. Ещё один. Эрвин пригляделся – в месте высадки, на пляже, у кромки воды, пристал тупоносый грузовой экраноплан, сложил крылья и, неторопливо ворочая стальными лапами кранов, выгружал на берег тяжёлую технику. И гудел, надрывно, словно ругался на своём железном языке.

Эрвин вспомнил, что дел ещё невпроворот, развернулся и полез вниз, к своим.

Пришел через десять минут, успев как раз сказать «да» на недоуменный вопрос лопухого матроса ДаКосты:

– А нас что, правда на остров высадили? Необитаемый?

– Абсолютно, – кивнула парню бравая майор, лениво двинув вверх-вниз тяжёлую челюсть. Скрипел под ногами песок. Гудела толпа. Краны вываливали контейнер за контейнером на белый, песчаный пляж – место высадки. Ветер дул от леса, пряный, тягучий запах зелёной травы мешался со знакомым, химическим – грузовик чадил движками на малом ходу. Эрвин невольно чихнул и отвернулся – корабельный дух ему надоел.

ДаКоста хлопнул себя по щеке, округлил глаза, протянул – детским, обиженным тоном.

– А как же... Цивилизованных мест не нашли?

– Надо было меньше пить в прошлый раз. Сейчас начальство решило, что цивилизация нас испортит. Или мы – цивилизацию. Тот городишко так и не восстановили с тех пор, говорят. Ладно, матрос, отдыхай, раз сказано...

– А где жить? – хлопнул себя по затылку матрос, недоуменно оглядывая шелестящую лесную стену.

Но тут их строгим голосом окликнули – Ирина Строгова уже отловила старшину саперов, построила, сурово отчитала за бардак и недостатки по хозяйственной части. Похоже, говорила по делу – седоусый ветеран соглашался, кивал и чесал затылок, Ирина хмурилась, смешно морщила нос и тыкала тонким пальчиком тому в грудь. Потом обернулась, позвала остальных – помогать. Ветер играючи скинул ей с плеча длинную косу.

Место для дома искали долго – в одной точке Ирине не понравилась сыпучая почва, в другом – до пляжа слишком далеко, в третьем – ветер не с той стороны. «Нехорошо, сырость по утрам будет», – выговаривала Ирина. Морской ветер игрался, крутил ей косу. Сверкали суровые карие глаза из-под чёлки, складка меж точёных бровей – смята и озабочено сморщена. Матрос ДаКоста крутил головой, ничего не понимал, нервничал, поминутно оглядываясь на саперов и на шелестящий вдали лес. Пегги скалилась и шутила – раз, другой, третий.

Потом Ирине это надоело и она попросила майоршу заткнуться. Тихо и вежливо. Та заткнулась – неожиданно для себя. Даже не вспомнила, кто здесь начальство. А Ирина ткнула пальцем и сказала «здесь». Эрвин не особо понял, чем это место отличается от другого, но кивнул.

Сапер огладил бороду, одобрительно хмыкнул, махнул рукой своим. Пробежали рядовые, таща на руках длинный, тяжёлый ящик. Со знаком «Строгов компани» на пластиковом боку. Знакомый знак. Тарканский текучий пластик. ... Тут Эрвин вытаращил глаза, судорожно пытаясь понять, что творят федеральные сапёры.

Те подошли, кинули ящик на землю, растянули провода, рывкнув, велели всем отойти подальше. Эрвин послушался, слабо понимая, зачем. Тарканский пластик был штукой знакомой. На его родном Семицетье его и добывали – точнее зачерпывали дронами из верхних слоёв атмосферы газового гиганта. Потом доставляли на землю в специальных контейнерах высокого давления и строили – чего только из него не строили. Дома, например. В хозяйстве только отцовский дом был деревянным, все остальное – амбары, конюшню, барак для социально-адаптирующихся – Эрвин построил сам. Из таких вот контейнеров. Делов на полдня – поставить проволочные направляющие, включить силовое поле, аккуратно, по миллиграмму пустить сверхактивную жидкость, подождать... Но федеральные сапёры такой ерундой не занимались.

Они просто бросили ящик на землю, закрепили взрыватель и отбежали подальше. Старшина махнул рукой, Эрвин представил, что сейчас будет и бросился на землю. Вжавшись, ничком, ногами к ящику. И Ирку рукой к песку прижал, хотя кому, как не ей, знать, что сейчас будет.

Взрыв ударил так, что заложило уши. Даже не взрыв – свист, тонкий, протяжный свист раздираемого воздуха. Рванула за волосы ударная волна. В песок у щеки вонзилась, дрожа и вибрируя, лохматая, острая щепка. Потом – шлепок, яростный вопль «курвасса мит орен» и ядрёный десантный мат. Пегги доспех не помог – с ног сбило даже бронированную до глаз десантницу.

Эрвин поднял голову. Медленно и осторожно. Второго взрыва быть не должно, но кто этих безумных саперов знает. В ушах – звон. В глазах – туман и слепящие белые полукружья. Ирина вскочила на ноги – рывком, в один жест одёрнула юбку, прошипела под нос – яростно, голосом обиженной кошки – «федералы, мать их». Эрвин поднял глаза. И обомлел.

Таркианский пластик, освобождённый взрывом из тюрьмы контейнера высокого давления, рванулся на волю – сметая все, во все стороны разом. И, соприкоснувшись с воздухом, мгновенно застыл неопишуемой словами фигурой. Словно волшебник взял и пошутил, заморозив поток воздушных пузырей, рвущихся вверх с трубочки – детской игрушки. Серо-зелёных, мерцающих воздушных пузырей. Горкой мыльной пены, размером с трёхэтажный дом. Старшина достал сканер, поколдовал, посмотрел на экран и удовлетворенно хмыкнул.

– Самый маленький пузырь – два метра диаметром, самый большой – десять, в среднем – пять. Точно, как доктор прописал. Ваш дом готов, распишитесь.

– А оно не рухнет? – спросил ДаКоста, подгибая голову и опасно косясь на переливающиеся над головой пузыри, – на вид, хрупкие.

– Нет, – хором сказали Эрвин и Ирина. Сапер усмехнулся в усы:

– Окна и двери сами прорежете.

И ушёл, торжественно вручив молодым одноручную пилу. Старую, заржавленную, без половины зубьев. ДаКоста сник. Эрвин хлопнул его по плечу:

– Чего стоишь, приступай, – и усмехнулся, глядя на растерянное лицо. Маленькая месть за представление в эраноплане. Пилить таркианский пластик можно было до второго пришествия – на любые механические воздействия он с присвистом чихал. Зато плавился на раз. Что Эрвин и показал – достал из контейнера лазерный резак, в два взмаха проделал дверной проем в ближайшем пузыре, шутовски поклонился и сказал дамам:

– Прошу...

– Эй, вначале надо бы кошку запустить, – подал голос кто-то из задних рядов. Ирина не услышала. Просто шагнула вперёд. Музыкаой прозвенели по пластику флотские каблукки. По точеным коленям хлестнула юбка – ласковой, синей волной. Сверкнули карие глаза.

– Сгодится, – довольно хмыкнула Пегги и толкнула Эрвина – не зевай мол. Работы еще...

За следующие пару часов Эрвин в конец замаялся. В комплекте с контейнером должны были быть три резака. Работал один. Второй был без батареи и ствола, зато с аккуратно наклеенной биркой – «исправность проверена». Подпись, число, круглая печать. Вместо третьего – пустое гнездо. Одно пропито, другое – разломано «то курца», по любимому Пеггиному выражению. Флот берег традиции свято. А может – армия, на ящичке хищно скалила пасть эмблема десантной бригады.

Но, неважно. Важно, что махать резакон Эрвину пришлось одному, под чутким Ирениным руководством – типа: «Режь здесь. Здесь Эрвин – это здесь, а не там. Я имела ввиду – на два пальца ниже. Маленькую. Маленькую, я сказала, не как сейчас. Что ж ты у меня такой непонятливый. Теперь переделывать все». И так три часа, постепенно перемещаясь из одного пузыря в другой. Резали двери, окна, какие-то совсем мелкие дырки под полки, шкафы и проводку. А резак, сволочь, тяжелый, руки ныли нещадно. Эрвин устал и начал огрызаться. Но тут Ирина тряхнула головой, огляделась и сказала что пока хватит. И вообще она молодец. Эрвин подтвердил. Не сразу, вначале закинув куда подальше тяжелую ношу. И собрался было на выход. Но у свеженавешанной двери его поймали и опять попросили. Вежливо, с тихой улыбкой:

– Раз уж все равно на воздух идёшь – поищи душевую кабину. По описи – должна быть, в ящиках флотского имущества, контейнер номер тридцать четыре. Хорошо?

Солнце успело хорошо прогреть пузырчатый дом а ветер – ещё не успел разогнать духоту сквозь только что вырезанные окна. Да и резак добавил жары. По лицам – тонкой струйкой пот, скользит крупными каплями по щекам и по виску. Свалилась, смялась мокрыми прядями, прилипла ко лбу Иренина чёрная чёлка. И разводы сажи на щеке – так и не отмылись, заразы.

Эрвин кивнул прежде, чем подумал.

Вот только душевой кабины Эрвин не нашёл. На пляжу, в импровизированном складе можно было искать до бесконечности. Ящики с флотским имуществом – под деревьями, в три ряда, одинаковые серые квадраты, каждый с двумя гербами и порядковым номером в одну краску через трафарет. Номера по описи, а опись...

Из пузыря-дома долетел звон, оправдания и Иринин усталый крик:

– Я что, одна здесь работаю? – голос держит ровно, но дрожь слышна, и тон чуть выше обычного – тоже устал человек донельзя.

Эрвин щёлкнул замком контейнера номер тридцать четыре. Толстые стальные цилиндры, лоснящиеся смазкой бока. Гранаты. Зажигательные, судя по маркировке.

– Пойдёт, – сказал сам себе Эрвин, сгребая сразу десяток.

Душевой кабиной парень, не мудрствуя лукаво, назначил звенящий в лесу водопад. Из куска пластика и пары хвощей – толстые, пустые стволы ломались в руках на раз – соорудил запруду, подождал, пока разольётся озером звенящая, чистая вода, примотал на палку гранаты и закинул подальше, на середину. Сразу три. Рвануло знатно, в небо ударил струёй горячий пар. Вода в озере вскипела мгновенно. Эрвин подумал и кинул ещё парочку в бурлящий котёл, для верности. Если и было в воде что кусачее и опасное – хрен оно выживет в крутом кипятке. А новая вода падала и падала со скалы, разбиваясь на радужные, звенящие брызги. Эрвин и там импровизированную решетку соорудил из двух хвощей, размолоченных сапогами. Потом и Ирина подошла.

Точнее подбежала на звук взрыва. Быстро, опрометью, хрустели ветки под башмаком. Сбила дыхание на бегу, да и тяжёлый шотган оттягивал руки. Патронная лента через плечо. А волосы растрепались, облепили мокрыми прядями щеки и лоб.

– Что происходит? – резко, на вдохе спросила она, и замерла, переводя дыхание

– Душ делаю. Из того, что есть, – виновато пожал плечами Эрвин, тряхнув связкой гранат.

– Дурак... Я... – слова на её губах сбились, замерли – не хватило дыхания. Высокая грудь поднялась, набирая воздух. Ворот белой флотской рубашки – смят и уехал в сторону. Обрывки ниток на белом хлопке. Третья пуговица с мясом оторвалась. Из-за спин долетел хриплый смех, дёрнул за уши, заставив Ирину осечься на полуфразе.

– Да, парень, хорошо хоть тебя не за туалетной бумагой послали... – Пегги, мать её. Не может без шуток. А еще в уши влетел плеск воды, шорох и радостный визг. Это девчонки с экипажа успешно ввели импровизированный душ в эксплуатацию.

А Эрвину торжественно сунули шотган в руки и попросили посторожить. А то мало ли. Заросли вокруг, конечно, густые, надежные но побережья стоит. Точнее, побережь. Вот и застыл парень, статуей. Стоп-кадром из рекрутерского ролика «Враги не пройдут». И морда, как у тамошнего героя – зверская. Ибо жарко, ноги гудят, руки тоже и настроение соответствующее. Кричали в вышине птицы, шелестел листьями ветерок, гнал ароматы – тонкий дух хвои, прелой листвы и местных цветов – пьяный, дурманящий. Алые лепестки качались на длинных ветвях, поворачивая на шорох шагов лица-бутоны. В алой тени лепестков – жёлтые точки.

Неприятно, будто глаза следят за тобою. А из-за зарослей – веселье и плеск. Белым пятном на зелени – аккуратно развешенная на кусту флотская стандартная рубашка. Шея как-то вмиг затекла. Хрустнул под ногою валежник. Эрвин развернулся – с трудом и, больше забавы ради, тронул стволем подобранный близко цветок. Лепестки дрогнули, сомкнулись как пасть. Прокрежетали по стали шипы – маленькие, острые.

Эрвин аккуратно шагнул назад, освобождая ствол и опасливо косясь на хищное растение.

– Спасибо, – окрикнули его со спины. Неожиданно даже. Ирина вышла из-за кустов, расчесывая на ходу длинные мокрые волосы. Рука с расчёской ходит вверх-вниз, чёрная смоляная волна мягко ложится на грудь и плечи. Озорной искрой сверкают глаза. Форму простирала прямо на себе, мокрая ткань облепила, сморщилась на высокой груди. Юбка смялась, облепила точёные ноги. Эрвин сморгнул. Раз, другой. Третий. Солнце ослепило глаза. По щеке – шорох. То ли лист с дерева упал, то ли... Тут он встряхнулся, напомнил себе что дел еще... Он еще помнил, что много, но никак не мог вспомнить – каких. Но много и важных. Куда важнее, чем стоять столбом и пялиться на заходящее солнце. Дел невпроворот. Если бы еще помнить – конкретно... А разводы на Иркином круглом лице так и не смылись, заразы...

Эрвин махнул рукой, насухо вытер шотган – вороненое дуло было в зеленом, липком, как патока, соке – и пошел. К солнцу спиной, сквозь лес, на шум моря. Споткнулся о камень, покачнулся, но устоял. Перед глазами закачалась кармино-алая, пятилепестковая пасть, запястье обожгло. На миг, потом лепестки дрогнули и развернулись. Поцелуй цветка был жгуч, но жить можно. Зато боль прочистила мозг, Эрвин встряхнул головой и огляделся. Море шумело рядом, сквозь треск цикад и лесные шорохи рвался и пел рокот волн гонящих по пляжу круглую гальку.

Там стояла Пегги Робертс. В полном боевом. Она так и не сняла с себя пластинчатый десантный доспех, стояла железной статуей. Лишь шлем сброшен, открыто лицо и ветер треплет и мнет выбеленные космосом волосы. Статуя самой себя. Волна билась о латные сапоги, пенилась и кружила водовороты. Прошуршала галька под каблуком. Пегги обернулась – покошачьи, всем телом.

– Привет, малыш. Выглядишь неважно.

– Устал – пожал плечами Эрвин, подходя. Глупо отрицать очевидное.

– Да ладно, – шаг навстречу, оборот, ещё шаг. Здесь лесная стена совсем близко от моря, деревья шумят, листья кружатся и падают в волны – россыпью зеленых точек по чёрной воде. Плывут, кружатся, скользят с гальки на волну. И вылетают обратно в пене прибоя. Алый цветок раскрыл лепестки, потянулся навстречу, почувяв движение. Пегги ткнула ладонью, позволила лепесткам захватить бронированные пальцы. По перчатке потёк сок – зелёным вязким потоком. Пегги придержала цветок второй рукой – осторожно, у стебля, сорвала листья. И отступила, облизывая испачканную соком руку. Улыбка до ушей. Как у ребёнка, при виде мороженого. Эрвин невольно сморгнул. Пегги протянула ему сорванные листья.

– Пожуй-ка, парень.

– Что это?

– Ешь, давай...

Эрвин попробовал. Лист буквально взорвался на язык, обдав небо потоком сладкого сока. Пряный, вязущий вкус – на миг запершило в носу. Потом по телу прошла волна – мелкая дрожь сверху вниз от макушки до пяток. И усталость исчезла. Вмиг, будто сегодня он весь день не махал резакон, а в койке валялся неделю минимум. Эрвин потряс головой, осторожно покосившись на собственную руку. С зажатым меж пальцев зелёным листком. Маленьким, в длину – чуть больше ладони. А по стоимости...

Эрвин сморгнул ещё раз, сообразив, что только что сожрал новенький трактор. Это если по ценам родного Семицветья судить. Листья алых цветов – те самые листья тары, на которых стоит вся эта планета. Да и федерация – тоже вся. До Семицветья они добирались уже высушенными, в коричневых, безвкусных таблетках. Дома их берегли, покупали два раза в год, в страду. Чтобы можно было пахать неделю кряду, не отвлекаясь на сон. Юный Эрвин ещё ворчал, что вместо одной таблетки проще лишний трактор купить. А тут... Эрвин мысленно прикинул, сколько таких тракторов цветёт вокруг в диком виде. Потом прикинул, сколько сумеет высушить и протащить контрабандой на борт и сколько – сохранить до дома. И махнул рукой. Все равно, шансов нет, и беспокоится не о чем. Сжевал ещё один лист, сказал «спасибо», набил трубку и пустил колечко дыма в зенит. Базовый лагерь шумел за холмом. Дым вился, улетал вдаль, через море, к туманной полосе берега напротив. Трубка обожгла пальцы. Эрвин выругался. И вспомнил, о чем думал недавно.

– Пегги, а тут опасные хищники есть?

– Есть. Я, – ответила та, лениво смотря вдаль, вдоль полосы прибора. Серьёзно или шутя – не поймёшь. Впрочем, правду сказала.

– Лагерь без охраны, так что я серьёзно.

– И я. Мы при посадке такой подняли шум, что все большое и хищное схоронилось в канаве, как те слоны...

– Какие? – удивился Эрвин.

– Забей, у нашего комбрига шутки глупые, – ухмыльнулась Пегги в ответ, щёлкнув по рукаву с тараканьей усатой мордой, – я поставила датчики и охранную систему, так что отдохни. Лучше скажи – обед скоро, чего жрать будем?

– А пайки разве не выгрузили?

– Выгрузили. Утопила. Не люблю жрать дерьмо без надобности.

– Лихо... Тогда – что?

Неуловимое движение рукой. Щелчок раздатчика на поясе. Кругляш сорвался с Пеггиных рук, описал параболу в воздухе и упал в воду. Короткий бульк, всплеск воды. А потом взрыв, такой, что заложило уши. Вода рванулась вверх столбом белой пены, хлестнула по ногам оскорбленная волна. Пробежала по пляжу, высокая, пенная, обиженно гремя галькой. Из моря высунулась длинная узкая голова. Поднялась над головами людей, закачалась на длинной шее,

оставив на Эрвина маленькие любопытные глаза. Эрвин прикинул, какое тело должно быть под водой, чтобы уравновесить в воздухе трехметровую шею и ему поплохело. Слегка. Уж больно легок висящий на плече шотган. Совсем невесом, как детская резная игрушка. И бластер у Пегги забрали. Рука скользнула вниз – медленно, по миллиметру. Легла на цевье. Глаза морского зверя – красные, что угольки. И брови, костистые как полка камина...

– Чем я заряжал? Картечь или пуля? – пытался вспомнить он, аккуратно кладя палец на предохранитель. Щелчок...

– Не надо, парень. Он несъедобный, проверено, – остановила его Пегги. Морской зверь словно кивнул. Голова – маленькая, треугольная с большими ушами мотнулась вниз, зарылась в воду на миг. И вынырнула с пучком водорослей в пасти. Пегги размахнулась, подкинула вверх зеленую ветку. Зверюга поймала её на лету. Кивнув головой, как показалось вдруг – благодарно.

Пегги улыбнулась. И ткнула пальцем себе под ноги, вниз, на мокрую от воды гальку.

– Этот красавец несъедобен. А вот эти крошки – да. Тоже проверено.

Пляж под ногами усеяло белыми и розовыми раковинами. Выбросила на берег взрывная волна. Много, очень...

– А как же экология? – удивился Эрвин, вспомнив лётное поле, холод и инструктажи.

– Забей. На урожай тари не влияет, – хмыкнула Пегги, ткнув бронированным пальцем себе за спину, назад, в пасть алому цветку тары, – лучше распорядись насчёт обеда.

И Эрвин распорядился. То есть поймал вначале Ирину – рассказал что и как, потом ДаКосту и ещё с десятков человек, снарядил собирать белые раковины. Добрым словом и обещанием «по шее», то есть – как всегда. Ирина тем временем мобилизовала женскую половину лагеря, реквизировала на складе котёл – то есть большую цинковую бочку из-под спирта. Пустую самособой, флот хранил традиции нерушимо. А Эрвин ещё раз убедился, насколько удобен лазерный резак – и дрова валил на раз, и разжечь костёр с его помощью получилось. И голодных матросов шугануть, когда закипела вода и поплыли над лагерем полузабытые за полет вкусные запахи. Последнее – с трудом, день был долгий, а запах плыл над лагерем – вкусный. Совсем. К счастью, Ирина, нацепившая по случаю на голову красный, в белый горошек платок, решила что все и – звоном половника по сковороде – дала отмашку к обеду.

Пегги была права. На фоне того, что сварилось у Ирины в котле, стандартный флотский рацион иных эпитетов не заслуживал... И дымилось на сытый желудок хорошо. Эрвин забил трубку, зажгёт. Сизый дым колечком уплыл в небеса, пустая бочка удобно уткнулась в лопатки. Облака – сизые комья в небе над головой. Парень сидел, вытянув ноги, бездумно. Впервые осознав что не нужно что-нибудь делать и куда-то срочно бежать. Солнце перевалило зенит, ползло книзу. Лениво, как мысли в голове. Как звук осторожных шагов под ухом. Поворачивать голову почему-то не хотелось. Совсем. Но все-же повернул. Матрос ДаКоста...

– Слушай, – прошептал он, зачем-то подмигнув, смешно дернув глазом, – умеешь водить БТР?

– Умею, – ответил Эрвин, выпустив струю дыма сквозь ноздри. Медленно, – зачем?

Да Коста хохотнул, будто бы Эрвин сказал что смешное.

– Тебе не кажется, что чего-то нам здесь не хватает?

Глава 3. Эрвин. Материк. Самоволка

Технику укрыли рядом, за пляжем, в зарослях туземного камыша. Или того, что на «Счастье» заменяло камыш: Высокие, выше головы стволы, тонкие зелёные листья. В тени, под листьями – грустные морды грузовиков. Исполинские машины дремали, грелись, щуря на солнце глаза – фары. Камыш гнулся под ветром, шумел. Белые семена осыпали дождём клёпаные, тупые капоты.

Крайний в ряду БТР – «транспорт, вездеходный, легкобронированный серия 80», в просторечии бэха, оказался Эрвину машиной знакомой. Восьмиколесный, приземистый, остроносый грузовик, списанный из десанта в гражданку – крыша спилена вместе с башней, кузов открыт, уцелели борта и кабина. И пулемёт наверху, двоянный «кольт-браунинг спарка» на турели. Казалось, тоже дремал, уставив в небо тупые стволы. Короба охлаждения на дулах – все в белых, нежных цветах. Эрвин хотел было удивиться – откуда здесь такое старье, но вспомнил порт, экологические законы и Пеггины матюги по поводу сданного бластера.

– Экологически чистый, небось, пулемёт. А машина хорошая, – подумал Эрвин, запрыгивая внутрь. Нагретые солнцем борта отозвались теплом на прикосновение ладони. Управление знакомое – ребристый руль, рычаг передач, три педали – ничего лишнего. Все, как дома, у них на Семицветье тоже был такой красавец вместо грузовика. Только дома кабина глухая и с подогревом а здесь простор – борта откидывались на шарнирах.

– По жаре – хорошо будет, – подумал Эрвин, ища ключи зажигания. Нашёл. В замке и примотан проволокой, во избежание утери флотским стандартным способом.

– Куда едем? – спросил он, вдавив педаль и прослушав ровное урчание ожившего двигателя.

ДаКоста начал было объяснять, то и дело размахивая руками и поминутно косясь в стационный где-то планшет. Эрвин ловко выхватил его у матроса из пальцев – борта острые, разбить недолго. Посмотрел на карту. Знакомый остров, пролив, кромка берега. Зелёная штриховка джунглей, голубая река. ДаКоста перегнулся через плечо, ткнул пальцем в точку на плане. Почти у берега, чуть вдалеке от воды.

– Город. Деревня, то есть, – пояснил он, улыбаясь.

– И зачем он нам?

ДаКоста щёлкнул ногтем по горлу. Ногтем указательного, чуть выше и левее кадыка. Универсальный жест, хорошо знакомый парню, в детстве мотавшегося на таких бэхах за речку, к соседям на Новую Лиговку. На миг Эрвин задумался, даже в затылке почесал, решая несложную, на первый взгляд задачу. На острове – сотня «отдыхающих» с корабля. Минус Ирина, плюс много – Пегги и прочий десант. Сколько это будет в бочках, чтобы не мотаться второй раз? И в деньгах? Ладно, ДаКоста здесь уже был, ходы-выходы знает. Наверное. Эрвин скопился, посмотрел спутнику на длинную, втянутую в предвкушении рожу и решил держать ухо востро. Приглядывать надо. Но и съездить – тоже, интересно посмотреть, чем планета живёт. Последнюю мысль Эрвин додумал, уже вдавливая педаль. Движок довольно взревел, ДаКосту потнуло – матрос взмахнул руками, еле удержавшись на ногах. Бэха, как застоявшийся конь,

рванулась вперёд, по широкой плавной дуге выехала из камыша и пошла вдоль кромки прибоя. Ветер ударил в лицо, сдул зной, взерошил и разметал Эрвину волосы. Левая пара колес чиркнула по воде, подкинув с брызгами в небо семицветье радуги.

Проехали холм. Над кабиной вздыбилась, закачалась знакомая длинная шея и узкая голова. Давешнее морское чудовище. Эрвин невольно пригнул голову, снял с руля руку, развернул к себе пулемёт. ДаКоста помахал твари – как старому знакомому, размахнулся, швырнул что-то в небо по пологой дуге. Обёртка сверкнула в воздухе серебром – флотский пищевой концентрат. Морской зверь, лязгнув зубами, поймал на лету, разгрыз, закивал, шуря на солнце довольную морду. Берег уходил вправо, бэха неслась. Взрытый колёсами песок взлетал вверх и дождём ложился в морскую воду. Справа шумел зелёный лес, в ветвях кричали и бились вспугнутые рокотом птицы. В проливе ходила крутая волна, ветер скользил, срывая с валов пенные, белые шапки. Противоположный берег тонул в солнечном свете. Маревом, зубчатой, хрустальной стеной, растущей из белой пены прибоя. Эрвин косил глаза на планшет, потом на волну, прикинул, до отказа развернул руль и с маха вогнал БТР – носом в чёрную воду.

В последний момент, когда вздыбилась раздавленная тупым капотом вода – бэха издала холодный, резкий щелчок. Острый нос волнореза поднялся над капотом, раздвигая в стороны волну, рокот моторов стих, потом завелся обратно – на другой ноте. Перестали вертеться колеса, сзади заурчал, выбрасывая столбы воды в небо водомет – бэха была машиной универсальной, оснащённой движками на все случаи жизни. Только летать не могла. Потому её с десанта и списали.

Эрвин крутанул рулём туда-сюда, приноравливаясь к новому управлению, выжал газ и направил импровизированный катер к другому берегу.

Волны толкались, били бэху в скулу, кидая Эрвину в лицо брызги и струйки воды. Ветер свежел, солёный, пахнувший йодом и солнцем. Эрвин довернул руль носом к волне и добавил газ – теперь бэха не плыла – почти летела, скользя плоским днищем с одного пенного вала на другой. Солнце слепило, било прямо в глаза, раскидывая по морю яркие полотнища дорожек и отблесков. Эрвин шурился, ругая себя, что не захватил очки. ДаКоста махал руками, показывая на берег – не туда, мол, плывём, левее бери. Волна подкралась, плеснула воды через борт, вымочив того до нитки.

От солнца, прямо из огненно-рыжей, спящей голубизны выплыла чёрная точка. Эрвин довернул руль. ДаКоста крикнул, показывая в небо руками. Точка – уже не точка, полотнище, хлопая крыльями, шло – пикировало – прямо на них. Приглядевшись, Эрвин увидел кожаные, когтистые крылья, узкую морду и длинный, зубастый клюв. Родственник птицам в лесу, но больше, много и много больше.

– Здоровая тварь, нападёт – мало нам не покажется, – подумал Эрвин, уводя бэху в вираж, подальше от острых когтей и крыльев. Промахнувшись, крылатый зверь на мгновение завис, раскинув в воздухе крылья. Как дракон с иллюстрации. Парил сверху, в синем мареве неба, косил красным глазом свысока на людей. Должно быть, решал – съедобна ли ползущая по воде железяка.

Издалека донёсся ещё один звук – тягучий, испуганный рёв. «Дракон» хлопнул крыльями, набирая высоту. Развернулся в воздухе, сложил крылья, ушёл в вираж. Эрвин проследил взглядом полет и увидел на воде – слева от них – знакомую длинную шею. Морской змей ревел,

подняв голову, словно предупреждая своих об опасности. Теперь тварь пикировала на него, разинув клыкастую пасть. Бились о ветер, трепетали огромные крылья.

– Должно быть, знакомая добыча, – мельком подумал Эрвин, кладя бэxu в крутой разворот. Руль на борт, нога – в пол, до отказа, ревущая стена чёрной воды – в небо, почти перпендикулярно борту. ДаКоста шатнулся и закричал. Эрвин в полете поймал его за шиворот свободной рукой, подхватил, толкнул к пулемёту. Лихорадочно защёлкал затвор. В небе – россыпь оранжевых, ярких огней. Трассера. Короткая, патронов на семь, очередь. ДаКоста понял все правильно. Крылатая тварь, получив росчерк броневой в морду, обиженно взвыла и полетела прочь – жаловаться на слишком наглых людей. Морской змей поднял голову, рывкнул ей вслед. ДаКоста рассмеялся и отправил ещё пакет в полет – прямо в треугольную пасть.

– Прикормили зверя – теперь вроде как наш. Флотский. Кушай, Чарли, – смеясь, проговорил матрос, отправляя третий пакет вслед за предыдущими. Новокрещенный Чарли довольно урчал, кивая им вслед любопытной донельзя мордой. Бэxu качнуло, в колеса ткнулся песок. Эрвин дал газ. Над головами – скалистый, до неба кряж. Короткий щелчок, потом рёв. Машина качнулась, зарываясь колёсами в грунт противоположного берега.

– Доплыли, – выдохнул ДаКоста, оглядываясь и по-собачьи тряся головой. Брызги летели с черных волос, курчавых и блестящих от морской соли. Ровно урчал движок. Шумел тёмный лес – на скалах, вверху, над головами людей, касал ветвями, сыпал сверху на воду зелёные листья. Эрвин привстал, огляделся и погнал машину по узкому пляжу вперёд, ища место, где можно подняться на скалы. Прибой набегал, струи воды качали машину, били в борт, пенясь и закручивая меж колес узлы и спирали водоворотов.

Переключатся с колес на воду пришлось ещё дважды – огибали длинные, торчащие в море каменные мысы. Хитрая прибрежная волна налетала, казалось, со всех сторон, обдавая борта потоками терпкой, солёной влаги. Скалы над головой – массивные серые валуны, охра и камедь гранита, в трещинах – зелёные деревья и потоки воды. За третьим мысом – широкий пляж и промоина. Разрыв в гранитной стене, вроде ущелья или русла реки. Узкий, заросший, но лучше, чем ничего. Эрвин, щура глаз, примерил высоту, воткнул первую и повёл тяжёлую машину вверх, под рев, птичий гам и шорох вылетающей из-под колес гальки. Ровно урчал мотор. Ломались под бампером стволы – не то деревьев, не то грибов, не поймёшь, высокие, коленчатые, пустотелые. Без листвы, лишь моток сухих, серых жгутов на макушке. Когда очередное дерево падало – резко, с сухим щелчком – с вершины сыпались дождём мелкие белые споры. На парашютах, как земные одуванчики. исполинские белые одуванчики, клубились и били метелью в лобовое стекло. А потом земля перед глазами мотнулась вверх, вниз, опять вверх. За стеклом – синева неба, охра и зелень земли. Взревел мотор, бэxa перевалила кряж и вышла на ровное место.

Белый вихрь утих. Эрвин откинул стенки. Вокруг опять – зелень леса и шорох листвы. И дорога нашлась – не дорога, но хорошо протоптанная тропа, БТРu в обрез – протиснуться между стволами. ДаКоста погадал на планшете, ткнул пальцем налево – нам, мол, туда, почти на месте. Эрвин повернул руль, вдавил газ и бэxa – осторожно, на малом ходу – поползла по лесной дороге. Вверх по холму. Потом вниз, по руслу реки. Опять вверх. Дорога расширилась, меж узловатых стволов качались на лианах знакомые алые цветы тары. Раскрывались, поворачивали головы, щеря вслед кусачие пасти соцветий. Кричали птицы.

С ветки, размотавшись на длинном стебле упал пятипалый цветок. Перед носом машины, прямо людям в лицо. Эрвин отшатнулся. ДаКоста протянул руку через его плечо, ткнул ладонью прямо в алые лепестки.

– Не бойсь, не вредно. Наоборот, – подмигнул он, слизывая с пальцев пятна жёлтого, тягучего сока. Глаза его затуманились, голос поплыл...

Слева, от тропы – мелодичный, переливчатый звук. Словно звон колокольчиков. Или смех. Эрвин повернул голову и увидел. Слева от дороги, в тени, под шелестящими на ветру ветками исполинской секвойи...

Фотография в планшете не врала. И сделана была вполне качественно, зря Эрвин ругался тогда на размытые контуры. Просто – женская фигура под деревом размывалась и дрожала в глазах, пропуская свет. Будто кожа её из хрусталя и прозрачного, колдовского тумана

– Нет, – Эрвин невольно потряс головой, – тогда черт-и-что было бы видно.

Туземка словно закручивала свет. Ловила, скручивала, играла – так, что Эрвин смотрел ей в лицо, а видел солнце. Яркий луч разбежался волной по высоким скулам, переливался, дрожал на веках и лучился озорной серебристой искрой в глазах. Царской короной – лесной цвет на ресницах, алым, зелёным и охряным ожерельем, диадемой во лбу. Парень моргнул раз, другой. Опять – мелодичный звук, похожий на звон колокольчиков. Теперь понятно, что смех. Глаза освоились, привыкли к чуду. И Эрвин сумел – таки рассмотреть её. Именно её – под кожаной курткой высокая грудь, тонкие руки, чёрной волной – длинные, прямые волосы, на висках – жемчужные перья незнакомой птицы. Куртка и юбка – длинные, увитые бахромой. И россыпь точек по лицу и рукам – густо, на лбу и щеках. Вьются, сплетаются в хитрый узор – от лба, по скулам и вискам – изломанной, яркой спиралью.

Опять вспомнился экраноплан, дурацкие шутки и Пеггина вводная. «А росчерк на лбу – это длинна ножа ее мужа». И точно – над бровями волнистая полоса, кривая, как лезвие флотской навахи.

Удар был такой, что бэха почти развернуло вокруг оси. Руль, как живой, прыгнул в руках. На губах – солёная кровь, в глазах потемнело на миг. Движок, захлёбываясь, обиженно взвыл, истошная ругань ДаКосты слилась, смешалась с рёвом мотора. Эрвин мотнул головой, машина лягнула передачей и замерла. Стало тихо – вдруг, только звенел в ушах мелодичный смех. Туземке было над чем смеяться – бэха, под мудрым руководством заглядевшегося Эрвина свернула с дороги и с маху врезалась в дерево, почти своротив бампером могучий ствол. ДаКоста ругался, потирая ладонью ушибленный лоб. Скрипела над головой могучая ель, белый древесный сок сочился и капал из надрубленного ствола на крылья и бампер. Эрвин выругался. Лязгнул под рукою рычаг. Бэха отпрыгнула назад, Эрвин выпрыгнул, на звенящих от долгого сидения ногах обошёл машину, глянул – повреждений нет. Лишь стесалась краска на броне, да в решётку радиатора набились лохматые, белые щепки. Потом запрыгнул обратно, сунул ДаКосте индивидуальный пакет и сказал, виновато пожав плечами:

– Извини.

– Ладно, проехали, – махнул рукой тот, поднимая голову. Сморгнул и уставился, вытаращив глаза, в одну точку – вдали, за деревьями.

– Точнее, приехали. Глянь...

Эрвин глянул. И впрямь, за пологом зелёных, колючих кустов – ровные, залитые солнцем поля. И холм, пологий, полукруглый холм, заросший высокими, прямыми, как мачта соснами. Широкие кроны трепетали высоко в синей вышине. А между деревьями – деревянные стены, какие-то кольца – густо, частоколом и невысокие дома, под крутыми остроконечными крышами. Над крышами – тонкий, серебристый дымок. Город. Точнее деревня...

– Та самая, – медленно, ухмыльнувшись во весь рот проговорил ДаКоста. У его плеча закачался алый цветок. Матрос ткнул ладонью соцветие, слизнул с пальцев тягучий сок, ухмыльнулся и медленно проговорил.

– Обожаю эту штуку...

**

Эмме Харт хватило половины дня, чтобы понять – алый цветок тары она ненавидит. Всем, что осталась от потрепанной жизнью души. Хищный, отвратительный глазу цвет, пять лепестков, щерящихся на человека зубастой пастью. Слепые жёлтые глазки, на шипах – сок, тоже жёлтый, тягучий и страшный настолько, что Эмму передёргивало от одного только вида. Люди, захватившие её, не церемонились. И на разговоры время не тратили. Просто ткнули стволом в спину и повели. Два изнурительно-долгих часа ходьбы, сквозь шумящий, полной неведомой жути лес, потом низкий барак, частокол и какой-то важный тип у ворот – как все туземцы полупрозрачный, раскрашенный дикарь во потрепанной форменной куртке, с эполетом но без штанов. И со стеком в руке, тонкой белой тростью. Набалдашник в форме драконьей головы, вырезан искусно и зубы роговые, острые. Это Эмма на собственной шкуре узнала, когда погнали в барак. Без лишних слов, которых она все равно не понимала. Накормили хоть, и на том спасибо.

А потом в лес – с длинной палкой в руке и корзиной на шее. Листья тары собирать. Свежие, зелёные листья, гроздьями – у основания алых цветов. Ткнуть палкой в раззявившие пасть лепестки, перехватить стебель свободной рукой, оборвать, кинуть в корзину, повторить. И так – весь бесконечно длинный день. Болела спина, исколотые колючками руки, ноги, сбитые и изрезанные о траву. Кружилась голова – не от усталости, её листья тары растворяли надёжно а от общей безнадеги. Корзина понемногу заполнялась, ремень натирал и стал резать плечо. Эх, ей бы дома, на земле такую корзинку. Хватило бы и дом в нормальном районе купить и судью-собаку, что приговор читал. Купить, да швейцаром поставить. Или ещё куда, куда госпоже Харт будет угодно. Эх, панели резные, потолки высокие, лепнина и зеркало в прихожей – в человеческий рост. Эмма такое однажды видела – за стеклом, в дорогом магазине. Высокое, золоченое с завитушками и ящиками по бокам – подробнее она разглядеть не успела, охранник прогнал. Дотащить корзинку с содержимым до земли – как раз хватит на такое. И на господина собаку, то есть судью, пусть стоит в прихожей да кланяется, открывая перед госпожой дверь.

Боль полоснула руку, словно ножом. Эмма отпрыгнула, баюкая руку и чертыхаясь. Замечталась, задумалась – и лес свое не упустил, вогнав в ладонь острую, кривую колючку. Солнце нещадно палило сквозь листву, яркое – безумно. Пот заливал глаза, тек противной струей по спине и ладоням. Да, это не Земля.

Там, дома Эмми знала ходы и выходы а здесь – что делать, куда бежать? Лес вокруг шелестел, заставляя сердце биться от каждого скрипа, соседки по бараку – сплошь туземки, высокие, статные, полуголые, тянули унылую, пробирающую до костей песню. Три ноты много-много раз, в такт монотонной работе. Поймать цветок, ткнуть палкой, оборвать листья, повторить. Охранники стояли рядом – молчаливые великаны, бесстрастные. Не люди – статуи, с винтовками на плече. Лишь трепещет по ветру перья и бахрома на рукавах длинных рубашек.

Эмми их видела до этого – в кино, куда их банда однажды забралась, сломав на чердаке решётку. Фильм был дешёвый, дрянной порнухой. С крашенными серебрянкой актёрами, изображавшими дикарей. А вот винтовки там были похожие. И фраза «стреляют без промаха» звучала слишком часто, чтобы Эмма запомнила.

Под ухом – лязг. Осторожное звяканье стали. Обернулась, вздрогнула – испуганно. Один из охранников вдруг обернулся, посмотрел на неё. Пристально, сердце глухо бухнуло в груди, забилося попавшей в прицел птицей. У него были широкие скулы и кошачьи глаза – нечеловеческие, зрачок вытянут в нитку. Опасно смотреть... Но и отвести глаз она не смогла.

– Хай, – сказал он вдруг. Горланно, лишь дёрнулся на шее кадык, да губы слегка шевельнулись. Потом еще пару слов – их Эмма не поняла. Тогда тот показал себе на плечи – раз, другой. И протянул руку с зажатой в ней тряпкой.

– Я не понимаю... – прошептала она, мотнув головой. Невольно сделала шаг назад, втянув голову в плечи. После этих слов ей и влетело стеклом.

Но воин лишь показал на плечо. Раз, другой, вначале на одно, потом на другое. Сунул в руки ткань. Так, что Эмми машинально взяла. Охотник отвернулся. Ветер взметнул бахрому на его рукавах. Эмми подумала вдруг, что парень ещё очень и очень молод.

А ткань пригодилась. Солнце в зените злое, плечи покраснели и уже начали гореть... Под плащом стало немного, но легче...

Глава 4. Эрвин. Материк. Деревня

Эрвин понял вдруг, что больше не в силах удивляться. Деревне, высоким соснам, шелестящим ветвями над головой, невысоким домам, просвечивающим, плетённым из сушёной жёлтой лозы стенам. Густо, в ряд, без просвета. Кое-где поверх плетёнки натянута полинявшая шкура или пёстрая ткань, кое где – нет. Сквозь щели просвечивают лавки, огни очагов, полуголые матери, кормящие младенцев.

Они замирали на миг, поворачивали головы, провожая равнодушным взглядом ползущую по улице бэу. Звенел ручей. Под колёсами бтр-а, прямо по утопанной босыми ногами земле. Над головой, чуть выше человеческого роста – пучки лиан, перевиваются, тянутся в беспорядке от дерева к дереву, от дома к дому. Висячие мостики, канаты, развешанная на просушку ткань – длинные полотнища, пёстрые, словно флаги. Капнула за шиворот струйка воды. Кричали дети – стайка мальчишек, полуголых, блестящих в закатных лучах сорванцов, гортанно крича, бежали наперегонки с бэхой, на спор касаясь руками клёпанных бортов. Когда удавалось – крики радости были звучны и веселы, голоса переливались и звенели – будто сорванный с места птичий базар. Эрвин за рулём мгновенно взмок – не наехать бы на сорванцов ненароком. Улица петляла, уходя все левей и левей. Плетёные, ниже борта, стены смыкались здесь в два ряда – тесно, будто лабиринт. Зелёный, пахнущий свежей лозой, острым соком тари, дымом костров и тысячей пряностей.

За поворотом была площадь и частокол. Высокий, затейливая резьба вьётся по гладким, обтесанным бревнам. На верхушках каждого – фигурки зверей. Эрвин вдавил тормоза. Фыркнул напоследок мотор, отдыхая от долгого марша.

– Приехали, – весело крикнул ДаКоста, прыгая через борт. С маха, сверкнули на солнце подковы сапог. Ворота частокола разошлись, навстречу шагнул туземец – высокий, статный, полноватый человек с плоским, степенным лицом в обрамлении головного убора из перламутровых перьев и алых лент. Важным, полным достоинства лицом. По виду – начальство, местный вождь, в окружении свиты. Поднял руку, начал говорить – медленно, мерно, с чувством. Звуки чужого языка смешались в ушах. Эрвин обозвал сам себя идиотом, бросил руль и полез в ящик с н.з. – по уставу там должен лежать универсальный, флотского образца, переводчик.

Прибор нашёлся и даже работал – бусинка в ухе и коробка ларингофона на горле синхронно кольнули кожу, сообщив о готовности. Вместе с гортанными птичьими словами чужого языка в уши полился синхронный перевод неживым, механическим голосом. Заболела с непривычки голова. Впрочем, толку – чуть, из всех слов, что обменивались важный деревенский вождь и истоиво размахивающий руками ДаКоста переводчик понял одно – обмен. И ещё универсальный жест – ногтем указательного по кадыку. Это было понятно и без машины в ушах. Люди спорили долго. ДаКоста кипятился, махал руками навроде мельницы, вождь отвечал степенно, скупо роняя слова, изредка помогая речи жестами – короткими, как выпад.

Переводчик в ухе хрипел, кашлял, но ничего толкового не переводил. Числительные разве что – но их и так дублировали на пальцах. Эрвин заскучал и оглянулся на свиту вождя. Воины, как на подбор. Такие же, как и вождь, высокомерные, плосколицые, невозмутимые. В кожаных куртках, босые, но с грозно выглядевшими винтовками на плечах. Длинные стволы, полированные ложа, воронёная сталь. «Похоже, они умеют ими пользоваться», – подумал Эрвин, рассматривая крайнего воина в упор. Куртка с бахромой, перья на голове, за плечом –

ствол, длиннее его роста. Механизм проверен и прост, металл лоснится от смазки. Шарик на рукояти затвора – гладок и истёрт ладонью до льдистого, злого блеска..

Воин поймал его взгляд, повернулся, оглядев в ответ и Эрвина и Бэу. Эрвина – сверху вниз, короткий флотский шотган – с усмешкой, холодной, презрительной. И с немым уважением посмотрел вверх, на турель с дремлющим на солнце «кольт-браунингом спаркой».

Эрвин намёк понял, потянулся, пересел с места водителя на место стрелка. Задел плечом ствол, спаренные толстые дула повернулись на оси. Как бы случайно – к вождю. Тот и глазом не повёл, лишь следующая фраза прозвучала на полтона ниже. Воин дёрнул лицом, Эрвин усмехнулся, пересчитал глазами воинов с винтовками, понял, что пулемёт если что – не поможет и расслабился, как умел.

То есть достал трубку, кисет, размял в пальцах чёрную, пахучую щепотку. Втянул запах. Воин – тоже. Подошёл поближе, показал на пальцах – меняемся, мол. Переводчик в кои-веки помог, а может жесты оказались выразительные. Пол – кисета чёрного, душистого табака Семицветья – на кукурузную, колючую трубку с прямым чубуком.

ДаКоста и вождь ударили по рукам. Из бэхи вытащили на товары на обмен – мешок табака, ящик патронов, жёлтый парашютный шёлк, гладкий и блестящий на стигах. Вождь присел, пощупал мягкую ткань. Защёлкал вдруг языком. Махнул рукой – две высокие, татуированные до глаз женщины вынесли из-за частокола плотные, булькающие на ходу бурдюки. Пару, потом ещё и ещё. ДаКоста поминутно нагибался к их ноше, пробовал, нюхал бесцветную, терпкую жидкость, в немом восторге закатывая глаза. Воины пальцами мерили ткань, негромко спорили гортанными, звонкими голосами. Мешок табаку с поля исчез. Вдруг, Эрвин не успел увидеть – куда. Да и замечать не хотел, вместо этого шагнул к очередному бурдюку, перехватил, отлил немного, в стограммовый стаканчик. И поджог, с одного шелчка зажигалки. Жидкость загорелась синим, ровным огнём, по деревне поплыл плотный, щелочащий нос спиртовой запах. ДаКоста хлопнул Эрвина по плечу, поднял большой палец вверх – все, мол, хорошо, братан, жизнь прекрасна. Улыбка плясала у него на лице, глаза – большие и пьяные. Жидкость в стакане погасла, прогорев почти на две трети – и впрямь хорошо, для деревенского аппарата. Женщина с тихим плеском закинула в кузов бурдюк.

– Последний, – мотнув головой, крикнул ДаКоста. Эрвин взглядом пересчитал булькающие в кузове бурдюки – вышло прилично, даже с учётом десанта. Хватит... ДаКоста заговорил опять, замахал руками – прощался, наверное. Потом поклонился и ловко запрыгнул в кузов. Заурчал, оживая, мотор. Эрвин потянулся с места, толкнул приятеля в бок – завязывай с вежливостью, мол, братан, нам до темноты назад надо.

ДаКоста обернулся и кивнул. Солнце померкло – сразу и вдруг, грязной полосой легла серая тень на поле, капот и лица. Сверху – хлопанье крыльев, оглушительный клёкот. Эрвин невольно поднял голову. На деревьях запела труба. Клёкот перешёл в визг. Яростный, раздражающий уши визг ложащегося на боевой курс дракона.

Тварь спикировала на деревню из синевы неба – огромная. Кожистые, чёрные крылья закрыли солнце на миг. Сверху, с деревьев, закричали, запели рожки и трубы. Над деревней пронёсся тревожный, переливчатый крик. Жёлтой костью сверкнули когти – на лапах и кончиках крыл – кривые, зазубренные, острые пилы. Распахнулась пасть, обдав людей на земле затхлым кладбищенским духом.

Эрвин прыгнул у пулемёту. С места водителя, вмиг, перескочив меж сидениями. Задралась в небо тупые стволы.

ДаКоста ударил его по руке:

– Не лезь. Местные сами разберутся.

– Курвасса мит... – огрызнулся Эрвин, ругаясь на сбитый прицел.

– Не лезь, тебе говорю, брат. Культурные... эта... особенности, подписку забыл? Какой-то туземный замут с этой птичкой, влезешь – хлопот не оберёшься. Местные знают, что делают...

Оглянувшись, Эрвин понял, что ДаКоста прав. Атака крылатой твари особой паники не вызвала. Запели, заорали сигнальные трубы с площадок на ветвях мачтовых сосен, погасли огни. Плетёные щиты стен упали вниз, схлопнулись, накрывая детей и женщин – быстро, но без лишней суеты. Вокруг по площади – дружный, синхронный лязг. Воины слитно скинули винтовки с плеча, передернули затворы и замерли, выжидая. Плоские лица смотрели ввысь, на пикирующую тварь, спокойно, будто на муху. Босоногий мальчишка подбежал, протянул вождю ружье – длинноствольный автоматический карабин, с золочёным прикладом.

Хлопнул выстрел, в небо, навстречу твари поднялся дымок – не с площади, с южного края деревни. Почти тут же – гортанный клич и новый выстрел. С северного. Пуля чиркнула, выбив искры из костяного гребня на голове. Тварь взмахнула крыльями, заревела, упала вниз – грудью и лапами на кроны деревьев.

Деревню строили с умом. Высоченные, мачтовые сосны согнулись, но выдержали удар крылатой туши. Тварь ревела, тянула вниз клюв, скребла и рвала когтями сплетённые толстые ветви. Выстрелы хлопали снизу – строго по одному, каждый предварялся коротким, гортанным кличем в три ноты. «Будто и впрямь ритуал, – подумал про себя Эрвин, убирая руки с пулемёта, – похоже на то». Воины вокруг вождя так и не сделали ни единого выстрела, хотя позиция их – прямо под впалым брюхом – была, на Эрвинов взгляд, лучше не придумаешь. Винтовки били с краёв, часто, но точно – пули рвали перья, щёлкали, вспыхивая искрами попаданий на гребне вокруг головы. Тварь билась клювом, рычала, косила вниз багровые, безумные от ярости глаза. Сосны скрипели и гнулись, но держали надёжно. Толстая ветка под лапой сломалась вдруг, полетела вниз. Перевернулась в воздухе раз и другой, с треском упала на землю, разбилась. Освободившаяся тварь взревела, взлетела назад – ввысь, обратно в бездонное небо. Пули рванулись ей вслед. Одно выбило перо из хвоста.

– Вот видишь... – протянул ДаКоста на ухо и осёкся. Вдруг. Тварь заложила в небе крутую дугу, рванулась, хлопнула в воздухе крыльями и пошла в новую атаку. Стремительно, тень крыльев мятой тряпкой пробежала по земле, деревне, лицам людей. Закрыла солнце на миг и упала на поле. Ровное, зелёное поле невдалеке. Эрвин, сморгнув невольно, увидел там с полдюжины бегущих к деревне фигур. Тень накрыла их чёрным плащом, забились в воздухе когтистые крылья. Клёкот из пасти – злорадный, рвущий уши голодный рык.

Воины дали залп. Дружно, уже без ритуалов. Десяток татуированных рук синхронно вскинули ружья, десяток стволов рывкнули в голос, десяток пуль рванули воздух, пропели

в унисон, разбившись о костяную башку искрами прямых попаданий. Прицел был хорош, но угол стрельбы теперь неудачен – все десять пуль без толку боднули костяную башку. Дракон лишь помотал головой, не свернув с курса. В уши Эрвина – слитный лязг десятка затворов. А с поля – человеческий крик. Слишком высокий и тонкий для мужской глотки.

– Эрвин, не лезь, – запоздало крикнул ДаКоста, глядя, как разворачивается пулемёт, – культурные...

– То курца, – прорычал Эрвин короткое, злое ругательство. В прицельной сетке – крылья и хищный клюв-пасть. Кнопка предохранителя под пальцем – тугая, до крови под сорванным ногтем. Фигуры на поле заметались, крича, кинулись в разные стороны. Тварь, хлопнув крыльями, зависла на миг, выбирая добычу по вкусу.

– ...кон диос.

Беззвучно вдавилась скоба. Пулемёт согласно взревел, вокруг двух стволов вспыхнули столбы злого, безумного пламени. Перед хищной мордой – стена огня. Жёлтых, белых и алых шаров. Трассера. И тварь, курлыкнув, влетела в них на полном ходу, разом словив с десятков прямых попаданий.

Первые лишь чиркнули рикошетом по бронированной морде – без толку и смысла, тварь даже не повернула головы. Потом ярко-белый, фосфорный цветок зажигательной пули вспыхнул под глазом. Тварь дёрнулась, мотнула в полете крылом. Кожистый треугольник развернулся на миг, встал к Эрвину в профиль. На миг. Один. Этого хватило. Тварь закричала, перевернулась в воздухе и кулем упала в траву, корчась и баюкая крыло, перебитое в трёх местах бронебойной, вольфрамовой пулей.

– Ха, – вскрикнули все. Даже воины на миг утратили холодное самообладание. «кольт-спарка» умолк, стволы опустились – устало, курясь в небо белыми струйками порохового дыма.

Рано. С поля донёсся клёкот и девичий крик. Сбитая тварь, качаясь и утробно рыча, поднялась во весь рост. Люди на поле кинулись бежать. Зря. Обезумевшая от боли и ярости тварь, кинулась на них, по птичьей курлыкая и припадая на лапу. Раненное крыло торчало вверх под углом, клюв-пасть щёлкала, разеваясь на близкую добычу. Эрвин развернул пулемёт. И бросил – тут же. Угол не тот, с такой дистанции очередь скосит всех подряд – и бегущих и зверя. Пасть его – багровая с алым. ДаКоста взмахнул руками, не удержал равновесие и упал с борта в траву.

Движок взвыл, хрустнул в ладони рычаг передач, лязгнули шестерни. Бэха рванула с места, в облаке дыма из выхлопной трубы. Пулей, под визг резины и истошный, пронзительный вой. «Сирену – на полный, – подумал Эрвин, зажимая рычаг, – не дай бог кто под колеса попадет по дури».

БТР пролетел деревню насквозь и, под оглушающий рёв, вылетел на ровное поле. Твари наперерез. Та развернулась, завидев нового врага, поднялась на лапах, разинула пасть. Оглушительный клёкот ударил, заглушил рёв мотора на миг. Бэху мотнуло на повороте. Эрвин вздрогнул, заметив, как течёт слюна по алому языку и зубам – острым, маленьким, треугольным. Смрад от неё... в последний момент Эрвин подумал, что останавливаться и прыгать обратно, за пулемёт, уже глупо. Тварь взревела. Эрвин вдавил педаль в пол, лязгнув застёжкой ремня

и бэха, истошно завывая движком, врезалась прямо в зубастый клюв, в последний момент подняв над капотом стальной тесак волнореза.

О том, что было дальше, Эрвин мог бы и вспомнить. Потом, когда все закончилось, движок заглох и усталая машина качнулась и замерла на изумрудно-зеленой траве. Мог бы вспомнить, наверное. Но не захотел. Неинтересно ему гадать, почему теперь бэха красная – вся, от колес до антенны, обо что погнут стальной волнорез, и что за тошнотворная, лиловая хрень намоталась узлом на колеса и оси. Воняла она... Эрвин сглотнул, с трудом держа желудок в узде. Зато на поле, за спиной – тишь да гладь, трава на ветру колышется, солнышко светит. И никто больше не ревет, не машет крыльями. Не разевает на людей клыкастую пасть. Осколок той самой пасти валялся под днищем. Зубищи там... жуть... но ценный груз в кузове цел и живительно булькает. И трубка в кармане – тоже цела. Сладковатый дым защипал на языке, в носу, взвился в небо сизым колечком. Вонь отступила. Дрожь в руках улеглась. Эрвин завёл мотор, прогнал усталую машину по ручью взад – вперёд пару раз, смыл грязь с бортов, развернулся и поехал – на малом ходу – к деревне, назад, подобрать потерянного ДаКосту.

Вот только деревня его встречать не спешила. Ни хлебом-солью, вообще никак. У деревенских были другие дела. Женщины сутились, поднимали плетёные щиты и крыши, восстанавливали дома. А воины собрались у околицы немалой толпой. Встали в круг, говорили о чем-то, в упор не замечая бэху, ползущую к ним на малом ходу. Эрвин заметил вождя в середине толпы. Тот говорил, долго, поднимая руки вверх, ладонями – в синее небо. На птичий манер, бахрома на вышитых рукавах трепетала на ветру, подобно перьям. Перьям с хвоста дракона, недоброй памяти жертвы недавнего ДТП. Чужие слова звенели и пели, сшибаясь щелкающими согласными звуками и длинными гласными в безумный, для уха Эрвина, марш. Бэха мерно урчала на малом ходу. Переводчик в ухе хрипел и давился, вылавливая в хаосе звуков отдельные слова – «закон», «дети», «долг». Потом ещё раз «закон» в обрамлении звенящих и щёлкающих звуков. Два каких-то старых хмыря в толпе – по обе руки вождя – согласно, в такт, трясли головами. Слово «закон» повторялась часто, деды при его звуках кивали, трясли головами. Сморщенные, похожие на резные игрушки. Воины откровенно ухмылялись. При слове «долг». Напоследок вождь поднял руки, пролаял «закон» Ещё раз. Солнечный луч скользнул, кинул кровавый след на протянутые небу ладони. Толпа раздалась и Эрвин увидел – к кому обращалась данная речь.

К стайке девушек – плотной, сжавшихся в комок в кольце из недобрых взглядов. Трое или четверо – не поймёшь, стоят густо, спиной к спине. Оборванные по подолу юбки, спутанные волосы, взмыленный, запыхавшийся вид – похоже, те, что бежали от дракона по полю. У Эрвина глаза распахнулись, он замер, даже забыв на миг про педали и руль. Машина и так ползёт, а там впереди... Вождь повернулся к спасённым, что-то проговорил, сурово нахмурив брови. Согласно закивали головами старики. Механически, подобно игрушкам-болванчикам. Кто-то заплакал. Навзрыд. Одна шагнула вперёд – резко, брызгами ливня разлетелись по плечам смоляные чёрные волосы. Заговорила – быстро, глотая слова. Чертов переводчик в ухе выдал беспомощный хрип – Эрвин, не глядя, смахнул его с уха. Чужой голос метался, звенел и бил в уши крыльями вспугнутой птицы. Вождь засмеялся. Хриплым, лающим смехом, массивная челюсть мотнулась вверх, потом вниз. И ударил. Несильно, лениво шевельнув рукой. Белая трость описала в воздухе полукруг. Девушка упала. Колокольчик затих – оборвался всхлипом на переливе.

– Ты что творишь, урод! – Эрвин заметил вдруг, что кричит. Резко, не выбирая выражений. А ноги выжали одновременно сцепление и газ, движок бэхи взревел в тон словам –

лютым, яростным зверем. Вождь отшатнулся. Мелкой дрожью – перья на его голове. Дернул челюстью, будто собираясь что-то сказать. Эрвин еще подумал, что челюсть у того знатная, бить будет удобно, не промахнешься. Что с правой, что с левой, а лучше с обеих. Ибо... Из задних рядов – короткий, сухой стук. Металл о металл. Передернутого затвора винтовки – сдали нервы у воина в задних рядах. Глухо взревел движок. На соснах – снайперы, в драке – шансов нет, но напугать, может быть, удастся. Рычащая, упрямо ползущая вперед бэха, вся, от колес до антенн – в черной драконьей крови напугать могла.

**

Миа, дочь охотника из дома туманного леса. Планета Счастье

Говорят, когда драконы были большие, а люди – маленькие, давно, до тех времён, когда крестовые ещё не пришли со звезд и воины ходили на охоту с луками, вместо винтовок – при великом предке законов было всего три. И дедов-законников не было, столб посреди деревни стоял, а на нем три закона великого предка рунами вырезаны. И место на том столбе оставалось, иначе Уго-воину негде было бы имя любимой вырезать. Рассердился великий предок тогда и столб на небо забрал, чтоб неповадно было. И законов с тех пор развелось столько, что все вырезать – деревьев в туманном лесу не хватит, одни пеньки останутся. И все, что ни возьми – древние, да справедливые, старейшины, вон, даже кивать устали, вождю вторить, «да да» говорить. А тот и рад – льет речь, заплетает. Если бы он так прицел брал, как слова складывает – не летать дракону над деревней. Курец он драный, как крестовые люди говорят. Надо было к ним уходить, когда звали.

А теперь...

А теперь в петлю те речи сливаются. Мне. Да подружкам моим. Если послушать что вождь говорит, я закон нарушила. Древний да справедливый, старейшины подтвердят, если не устали. Нельзя, де в полдень по полю ходить, под солнцем, беду искать да тварь крылатую на деревню приманивать. А как не ходить, если надо? Да и драконы те уж и не летают почти. Вот, как крестовые люди винтовки нашим воинам продали – так и не летают. А теперь, я с подружками, виновата кругом, выходит. Ой, как люто виновата, вождь говорит. Кругом.

А вождь, собака, руки к небу поднял, предком великим поклялся, да приговор объявил. Штраф. Согня крестовых лаков. Воинам, стае его верной, на патроны. Не позднее вчерашнего дня.

«Да он ополоумел, курец драконий, столько люди не зарабатывают», – дёрнулась было я поругаться, а потом глянула – на руки его поднятые, все в солнце закатном – будто в крови, в глаза наглые да улыбающиеся, да рожу – спокойную слишком. Глянула, да поняла. Какой закон, к предку великому, древний, если лаки крестовые люди вместе с винтовками сюда принесли?

Чушь это. То есть, не чушь, совсем не чушь. Понятно, теперь, откуда у вождя ружье золочёное, хитрое, почему клуши его в шёлк непромокаемый обрядились.

Продал ты меня, вождь, продал, вместе с Лианной – гордячкой, да Маарой – хохотуньей маленькой. И даже догадываюсь, куда... К мужу тысячи жен – тысяча первой. На плантацию, алый цвет собирать...

Не хочу...

И Лианна – красивая она. Красивая, да упертая, убьют её там.
Просто убьют. И Маар – маленькая совсем...

Не хочу...

Что-то течёт по лицу. Густое, липкое. Противное, как... Кровь. Даже не заметила, кто и как ударил. Просто, толкнулась вдруг в спину земля. И мир вокруг затянуло пеленой. Соленой и горькой. Слезы в глазах. А вождь стоит, зубы скалит, ухмыляется. Видел бы это отец покойный – жить вождю ровно миг. Два – сколько надо, чтобы ружье с плеча скинуть да передрнуть затвор.

А теперь и не заступится никто. Разве...

Голодный, злой рёв раскидал толпу. Вмиг и не заметила, как стало просторно и пусто вокруг. Ревел зверь. Дикий, страшный зверь. Будто дракон. То есть, нет. Машина со звезд, стальная, рычащая, вся, от шипастых колес до штырей на крыше – в крови. Черной, драконьей крови. И крестовый внутри – непривычно-бледный, взъерошенный парень за рычагами. Синяк во весь лоб. Побился, должно быть, когда таранил дракона.

**

А Эрвин, вздрогнул и оцепенел. Как во сне, липком, тягучем сне. Дурной вечности за миг до пробуждения. Сбитая с ног девчонка вскочила, поднялась и – в один неуловимый взгяду прыжок – встала на пути БТР-а. Встала, протянула руку, крикнула что-то неуловимое на щебечуще-звонком языке. Эрвин, не мигая, смотрел на остроскулое, тонкое лицо, развевающиеся волосы и горящие, внимательные глаза. Смотрел и понимал, что развернуть машину уже не успеет. Ничего не успеет. Совсем. Замер, смотрел, как дурак, глядя, как шевелятся губы на тонком лице. Над тупым капотом – нож волнореза, кривой, обоюдоострый тесак. Качался, деля надвое тонкую фигурку. Истошно взвыли тормоза. Ноги Эрвина сообразили раньше головы, с маху вогнав в пол педаль. Машина вздрогнула, взревела и замерла, качнувшись взад-вперед на рессорах. Капот задрожал, коснувшись протянутой руки на мгновение. На одно.

Девчонка обернулась, подняв руку – изящная ладонь черна от масла и ала от драконьей крови – и крикнула что-то. Тонким, певучим голосом, колокольным звоном. Вождь крякнул и отступил на шаг.

– Что происходит? – за спиной лязгнули сапоги. ДаКоста нашёлся, лез через борт, шатаясь.

– Откуда мне знать? – сердито рявкнул Эрвин, вслушиваясь в щебет и рев чужих голосов, – садись и переводы давай.

– Сейчас, – протянул матрос. Еще раз лязгнули сапоги. Заскрипел развернувшись на турели, пулемет. Эрвин скосил глаза и понял, что ДаКоста пьян. В стельку. То есть в дюзу, по флотской традиции.

**

Лианна, дочь кузнеца из дома туманного леса. Планета Счастье

Великий предок меня побери, это все Маар-чертовка мелкая виновата. Отсиделись бы тихо, так нет: «Пойдём, давай поближе» Любопытно видите ли ей, чьё имя кричали воины, лоя дракона в прицел. Как будто не понятно, чьё. Мое, конечно. Или Мии, тут надо честно признать. Вот только моё – больше. Предком клянусь, провалиться мне... а Маар я уши надеру как-нибудь, за любопытство её неумное. То есть нет, уже не надеру.

Сгубило нас ее любопытство. Да что я вру – не только Маар, но и моё.

Приятно же... Только толку с тех криков – ни один не попал. Горе-воины, только и хороши, что нос задирать, да затворами лязгать. Вот Уарра бы попал, обязательно. И было бы по-другому, все. Только Уарра по весне к Золотому Отцу ушел. Тайно, в ночи, с винтовкой отцовской. Жди, говорит, до лета, побьём крестовых – вернусь. Не дождалась, выходит...

.. или...

...что же это...

Поверить не могу, но у Мии получилось. Получилось, да. Встать у зверя на пути и спросить. У страшного, неживого зверя крестовых. А он склонил морду перед этой задавакой. Ответил, вроде как... Небывалое, конечно, но... получается, что бывает. Вон, драконья кровь с железной морды течёт, густая, чёрная – и ей на ладони. Вопрос задан, ответ получен. За нас троих, включая любопытную Маар. Вождь и поспорил бы, да страшно. Зверь грозный, сам по себе, да пулемет на загривке двустольный стоит, на вождя глаза косит. Черные у него глаза, глубокие да страшные. Вождь и боится и вся стая его. Труссы. Уарра не испугался бы.

Вопрос задан, ответ получен. За всех, включая Маар-мелкую. И меня. Эх, Уарра-воин, говорила тебе – не ходи, возьму и не дождусь. В шутку. А получилось, что всерьёз. Жалко. Он бы точно дракона убил, он хороший.

ДаКоста захохотал. Пьяно, залиvisto, шатаясь и задирая к небу худой, острый кадык. И умолк – так же вдруг, Эрвин не сдержался, припечатал его ладонью по затылку. Обернулся и заметил, что гвалт на поле утих, все замерли и смотрят на него. Три девчонки – с робкой надеждой, вождь – зло, остальные – лениво, выжидающе. Винтовки – через плечо, ладони на влажной стали затворов. Солнце сверкнуло, на миг ослепило глаза. По затылку и дальше за воротник – липкая струйка пота. Вождь поднял руку и что-то спросил. Требовательно и непонятно. ДаКоста захохотал опять, хлопнув по коленям руками.

– Что за хрень? – рявкнул Эрвин, встряхивая горе-напарника.

– Дай ему стольник, – с трудом ворочая языком ответил тот.

– Зачем?

– Не бойсь, брат. Тебе понравится... – шатнулся и упал спиной назад, так и не стерев с лица пьяной, дурацкой ухмылки.

Эрвин огляделся, пересчитал глазом воинов с винтовками – жаль, много, в одну очередь не положишь. Потом сжавшихся перед капотом девчонок – как-то не по себе их здесь оставлять. И напоследок – широкую, квадратную челюсть вождя. Просит доброго кулака – теперь, даже больше, чем прежде. Руки сведены на груди, глаза сужены в нитку. Ждёт. Эрвин порывлся в карманах, нашёл хрустящую, мятую бумажку, протянул. Как раз местный стольник, мятый и жёванный. Случайно в карман завалился. Вождь важно кивнул. Толпа загудела и разошлась, разом потеряв интерес к Эрвину и бэхе. А девчонки полезли внутрь, уверенно, будто имели на это право.

– Что за хрень?

– Культурные особенности... – пробормотал ДаКоста во сне. Будто это что-то объясняло.

Первая девчонка – черноволосая и высокая встала на трапе, примериваясь, не зная, куда ступить. Застыла, сверкнула на Эрвина тёмными, большими глазами. Спросила что-то. Непонятно, что. Слова сорвались с губ, прозвенели в воздухе малиновым звоном – непонятно, загадочно. Эрвин машинально кивнул. Протянул руку. Ее рука легла в ладонь Эрвина – крепкая и тонкая. Сильная. По коже – колдовским потоком плывет солнечный свет, дробится, мигает в тонких линиях татуировки.

«Миа» – сказала она, сверкнув на Эрвина ресниц – лукаво и весело. То-ли представилась, то-ли послала подальше. Не поймешь.

Вторая – гибкая и тонкая, руку Эрвина проигнорировала. Взлетела – кошкой – наверх, уселась, сложив руки, фыркнула недовольно. Большие лиловые глаза – красивы и злы. И зрачки, тоже как у кошки – в нитку. Золотую, тонкую нить.

«Лианна» – сказала первая, показывая на вторую. Видимо, все-таки имя. Очень приятно, конечно. Лилогоглазая так не считала, явно, но и бог с ней.

За ухом – лязганье, стук металла и радостный визг. Эрвин обернулся – рывком, на месте. И замер. В лоб ему смотрел кольт-браунинг, обеими своими дулами, точно глазами. Третья девчонка лихо вскарабкалась по броне, уселась турель и увлеченно крутила рычагами. Предохранитель на кольте – для детских пальцев слишком тугой. Наверное. Эрвин осторожно выдохнул. Миа погрозила малышке пальцем, рассмеялась и сказала «Маар».

– Должно быть, так зовут мелкую бестию – подумал Эрвин, осторожно снимая ту с огневой точки.

Эрвин потряс головой, но ничего умнее, чем «валить прочь отсюда» не придумал. От посапывающего в углу ДаКосты толку мало, от электронного переводчика – ещё меньше. Язык жестов ничего не дал – то-ли Эрвин махал руками неправильно, то ли девчонкам было все равно куда ехать. Не совсем все равно – предложение вернуть всех назад встретило строгий отказ. Немой, но очень выразительный.

Миа достаточно похоже изобразила вождя, с его челюстью, назвала его «курец» – трижды, для верности. Мелодично и звонко, Эрвин не сразу узнал грубое земное ругательство. Потом – ладонью по горлу. Тоже три раза, для верности. Универсальный жест, Эрвин его узнал и больше глупостей не спрашивал.

Вместо этого попробовал спросить – а что, собственно, надо? В ответ Миа рассмеялась и ткнула пальцем. Лианна фыркнула рассерженной кошкой. Линия от тонкого пальца проходила Эрвину через грудь – в бесконечность. Эрвин решил, что это означает «пора валить», отвернулся и сел за руль машины.

В переводчике есть запись, на базе можно расшифровать. Там будет видно. Движок взвыл, машину качнуло – слегка. Обалдевший Эрвин слегка не вписался в поворот, наехал колесом на смятую драконью тушу. Колеса чавкнули – глухо, как по болотной траве.

– Уступайте дорогу спецтранспорту, – злорадно ухмыльнулся Эрвин, нажимая на газ. Машина летела от деревни прочь – через поле, к берегу и морским волнам. К своим. Мотор тихо гудел, корпус плавно качался. Эрвин аккуратно скопился назад – не выронить бы нечаянных пассажиров. Нет, сидели крепко, все, даже мелкая. Странные они... Эрвин пригляделся и понял, что ещё было странной в этой троице – все видимые им туземцы были татуированы до глаз а у этих все руки в тонкой вязи, а лица чистые. Совсем. Алые точки у глаз и все.

– Странно, – подумал было он, но тут машину тряхнуло и сильно – поле кончилось, бэха въехала в лес и Эрвину волей-неволей пришлось схватить руль покрепче.

**

Маар, дочь травницы, дом туманного леса. Планета Счастье

– Ух ты! Сколько раз крестовых просила покатасть – ни разу не брали...

Эрвин Штакельберг, волонтер флота. Новая Лиговка, планета Семицветье.

– Вот тебе и сгоняли за водкой по-быстрому.

Глава 5 Эмми. Эрвин. Материк. Путь домой

Будь это Земля – Эмми сбежала бы уже в этот день. Сделала бы ноги, ушла, растворилась в бетоне, стекле и камне. И вдоволь посмеялась бы над страшными, но бестолковыми дикарями с винтовками – из безопасного укрытия на нулевом этаже где-нибудь под теплотрассой. Но вокруг была не Земля. Тропический лес, влажный, зелёный и гремящий на тысячу незнакомых голосов. И каждый пугал до ужаса. Пугал алый цвет тари, щерясь в лицо пятилапой оскаленной пастью. Пугали сверчки – невидимые, неуловимые взгляду насекомые, зелёные на зелёной листве. Твари гремели и стрекотали так, что Эмми шарахалась поначалу от каждого куста – казалось, гремел броней неведомый хищник. Потом из леса донеслись шаги – мерные, тяжёлые, под хруст и скрип ломаемых веток Эмми вначале просто замерла. С надеждой, даже не поняв, что нужно бояться. Для её ушей в лесу шумел портовый погрузчик. Мирная, неповоротливая, смешная машина о трёх железных ногах, забредшая по какой-то надобности в джунгли.

Заблудилась, наверное.

Сейчас появится из за кустов, водитель откинёт колпак, высунется и спросит дорогу. Только по тому, как резко все побежали вокруг – мужчины вперёд, на звук шагов, на ходу срывая винтовки с плеча, женщины с корзинами – назад, им за спины, Эмми поняла, что происходит что-то не то. Воины упали на одно колено, прицелились. Грянул залп, потом слитный стук затворов – и рёв. Оглушительный, рвущий душу звериный рёв. Стена ветвей разорвалась, и Эмми, все ещё ожидавшая увидеть мирный погрузчик – увидела высоко, меж листвы оскаленную, клыкастую морду. Зелёную, вытянутую, всю в бородавках. Клыки у неё... Новый залп. От курящихся ружей – облаком белый дым и пронзительный запах сгоревшего пороха. Тварь скрылась в листве, ревя и оглушительно топая ногами. Эмми содрогнулась ещё раз, выдохнула и решила держаться поближе к человеку с винтовкой. Зеркальнолицему, татуированному дикарю. Тому самому, что дал ей кусок ткани – прикрыться. Не гнал, и то хорошо. Так было спокойнее, пусть и не намного. А потом от барачков донёсся металлический звон, женщина рядом подмигнула, показал руками на рот – обед, мол. И Эмми увидела, чего здесь действительно стоит бояться.

За частоколом, у плетёной стены – весы. Старые механические весы, на которые женщины по очереди вытряхивали сбор из корзины. Зелёные, нежные листья тари крутились в воздухе с тихим шелестом ссыпаясь из корзин на заржавленный лоток а с него – в мешки с непонятными надписями. Кружились, просыпались мимо, на землю. Под ноги двум типам, лениво надзирающим за процессом. Эмми вначале обрадовалась когда увидела их – в отличие от татуированных, холодных как статуи воинов, эти были похожи на людей. Цивилизованных, в смысле. Тоже босые, но в человеческой одежде, без лент и бахромы. Фабричные рубашки и шорты, широкие шляпы с загнутыми полями. Мощные руки и лица – чистые, без татуировок. Широкие, скрытые почти полностью за чёрными стёклами солнцезащитных очков. Один повернул к ней голову, посмотрел – лениво, нехотя. Эмми вдруг вздрогнула опустила глаза. Поспешно, под этим взглядом ей почему-то захотелось стать очень-очень маленькой и незаметной. Из-за спины – сухой, отрывистый лязг. Затвор винтовки. Воин – тот самый – перекинул ствол с плеча на плечо, как бы случайно задел железом о дерево. И получил длинный, певучий разнос от старшего.

«Очкастый» видя это все усмехнулся и сплюнул под ноги – зелёным от сока тари плевком. Ухмыльнулся, ощерив рот в похабной ухмылке. На поясе у него – новёхонький, с матовым длинным стволом пистолет и нож – длинный широкий клинок. Зазубренное, изрядно побывав-

шее в деле мачете. Ворота захлопнулись с протяжным, пронзительным скрипом. Эмми аккуратно шагнула назад. Потом еще, за спины других, подальше от этих парней в очках. Татуированные воины остались снаружи. А внутри – Эмме внутри оставалось вжимать голову в плечи и смотреть в пол – так, чтобы взгляд из под чёрных очков скользнул мимо.

Эмме повезло. Скользнул мимо.

На крайнюю в очереди. Схватили без лишних слов, вытащили и увели. Недалеко, за ближайшую загородку. И, судя по долетевшему оттуда через миг отчаянному крику – дикарке сильно не повезло.

– Кто это? – прошептала Эмма, и только потом сообразила, что понимать тут некому. Но соседка по очереди поняла. Почему-то. И показала – знаками, но выразительно. Ребром ладони – на горло, потом на землю. Потом, пошевелила пальцами, будто ходит кто...

– Ходячие мертвецы, – и впрямь похожи. Бледной кожей, очками, за которыми не видно глаз. Только, судя по плачу и крикам из-за стены – вполне живые.

А еще Эмми поняла, что зелёных, нежных листьев тари здесь завалились, а значит надежды, что эти двое устанут да спать завалятся нет. А ночь длинна, и краденный нож не поможет, нет здесь темноты коридоров, плохо закрепленных кожухов, пульсирующих лиловым светом энергопроводов, нечему взрываться и гореть. Оставалось держать голову ниже и надеяться... Странная тварь – надежда, даже корабельной торпедой ее не убить...

**

Пока тяжело урчащая двигателем бэха медленно и осторожно протискивалась сквозь лес – могучие, перевитые узлами зеленых веток стволы стояли густо – план в голове у Эрвина почти сложился. Простой, как прикрученный к борту лом из нержавеющей стали и столь же надежный – в теории. Довезти девчонок до базы – бросать как-то страшно, а дома можно сдать Ирине Строговой под команду, не забалуют, да и готовить будет кому. Не самой же Ирке кашу варить, в самом деле. Кое-кому из команды взять и набить превентивно морду, а потом сесть и расшифровать запись с переводчика. Выяснить в чем вождь его наколот. Наколот обязательно – просто обязан с такой-то рожей. А потом – наказать. Собрать парней с базы и съездить в деревню ещё раз. И аргументы с собой прихватить соответствующие

«То есть, не аргументы, – загрустил Эрвин, вспомнив, что тяжёлый МК-45 „Аргумент“ сдан Пегги под роспись во избежание экологической катастрофы, – К таким ходить с „добром“ надо. Вроде бы лежало где, на складе с флотским имуществом. Всё посерьёзнее, чем антикварный пулемёт»

Бэху трянуло, заскрипело и треснуло дерево под колесом. Эрвин выругался про себя, выкрутил руль. Пьяный ДаКоста в углу повернулся и захрапел, девчонки в кузове – заохали, залопотали. На своём, мелодичном и звонком, но непонятном, от слова совсем. Сидят, косятся на Эрвина. Старшая, высокая и прямая, освоилась уже, сидит вполне по хозяйски. Развернулась, смотрит уже не таясь, золотые, кошачьи глаза – лукавы и веселы. Та что потоньше да миловидней – Лианна, вроде, или как там её – пристроилась рядом, к Эрвину в пол-оборота, смотрит через плечо – сердито и зло блестят глаза из под чёлки. Жаль, фигура у неё – загляденье. Тонкая, гибкая – струной. И перья в чёрных, как ад волосах – блестят алым, переливаются.

Бэу трянуло ещё раз, движок взвыл, скорость упала. Забурлила, брызнула фонтаном из-под колес вода. Река. Жёлтая широкая река медленно катила волны, поперек их курса.

«А где река – там и море», – подумал Эрвин, переключил двигатели и загнал машину в ленивый, мутный от ила поток. Затарахтел водомёт, бэха качнулась и поплыла, обгоняя щепки и упавшую в воду листву. Девчонки замолкли, подвинулись ближе друг к другу, косясь на вековые стволы и торчащие прямо из воды зелёные, мшистые корни. Ветви смыкались над головой – низким, словно коридор, сводом. Алые цветы тари яркими пятнами свисали с тонких лиан над головой, раскрывались, поворачивая на звук мотора лепестки-пасти. Река раздалась на два рукава, потом ещё на два – Эрвин чуть приглушил движок, не зная, куда свернуть в этом царстве затхлой, зеленой воды, мха и неяркого света. Сзади – тихо, даже мелкая перестала галдеть. Лишь стучал на малых оборотах движок, да – в такт ему, механически, густо звенели из леса цикады. Как – то стало не по себе. Даже воздух с трудом скользил в лёгкие – неподвижный, густой и влажный – хоть выжимай. Эрвин протянул руку, покопался в приборной панели, повернул рычажок. Приемник засипел, свистнул и запел под переливы гитары...

– Shotgun boogy...

– all i need, is one shoot, – прохрипело под ухом. Вдруг. Эрвин аж вздрогнул. ДаКоста, гад, очнулся и подпел, хриплым, глухим с похмелья голосом. Приподнялся, встряхнулся. Увидел девчонок на корме. И сразу – улыбка до ушей, аж торчат из под губ жёлтые, длинные зубы. Шатнулся. Лианна фыркнула, подняв губы – сердито и зло. Эрвин не сдержался, дал матросу по шее. От всей души. Приёмник тренькнул, свистнул и замолчал.

И вдруг рядом, в протоке – забулькала, взбухла, пошла кругами вода. Будто там, под зелёной тиной проснулось что-то большое. Эрвин поёжился, поняв что рулить он ещё может, а вот стрелять некому – ДаКоста опять вырубился, гад. Зелёный мох перед глазами закачался. Повеяло солью. И ветром. Слева, чуть-чуть. Вода забурлила опять – уже ближе. Эрвин дал газ, выворачивая бэу туда, откуда ветерок нёс свежесть и шум прибоа. Сзади – протяжный, певучий крик. Эрвин едва успел пригнуть голову – сплетённые, низко висящие ветви, пролетели над головой, едва не чиркнув корой по макушке. В глаза ударил свет – багровый закатный луч, ослепительно яркий после зелёного полумрака дельты. И тягучий, размеренный рёв, плеск и шорох катаемой прибоем гальки. Бэха, едва касаясь днищем воды, под гул и скрежет, пролетела устье реки и с маха зарылась носом в волны прибоа. Волна закружила, подхватила бэу под днище, закачала и понесла. Брызнуло, омыло лицо кипящей солёной пеной. И закат. Багрово-алое, круглое солнце уходило в волну, расплёскивая полосы света по черной воде. Девушки сзади заговорили – разом. Пойманной птицей, звенели и пели в тон голоса. Эрвин расстроился вдруг – невольно ждал в небе яркого, трепещущего полота радуги. Той, что дало имя его родной планете. Но Семицветье осталась далеко. Бэха зарылась носом в волну, хлебнула воды, поднялась, вспарывая волнорезом багровый полукруг местного солнца.

Мимо проплыла туземная лодка – о двух корпусах, под треугольным, развёрнутым парусом. Под ухом – зевок, кашель и фыркание. ДаКоста очнулся, огляделся, посмотрел вокруг расплывшимися, косыми глазами. Увидел девчонок на корме, изумлённо протёр глаза, охнул, хлопнув себя по щекам. Затих, только руки шевелились, то и дело приглаживая на голове упорно стоящие торчком черные волосы. Эрвин щёлкнул приёмником, из динамика понёсся незатейливый звон струн.

«I'm coming home»...

Солёный ветер смял и унёс прочь переливы гитары. Скалистые берега по левую руку уносились прочь, изломанной тёмной стеной, почти чёрной в свете заходящего солнца. Горизонт за спиной – глухой и почти чёрный, тьма ползла по небу, накатываясь, догоняя стремительно летящую по волнам бэу.

«Как я найду лагерь во тьме?» – мельком подумал Эрвин, глядя как летят мимо заросшие, одинаковые берега. Сзади – ойканье и испуганный вскрик. ДаКоста выругался, Эрвин обернулся, посмотреть – ничего серьёзного. У средней – Лианны ветер вырвал перо из волос. Перламутровое, мерцающее багровым светом заката перо из причёски. Оно взлетело, перевернулась в воздухе раз, другой. Отражённый луч блестит и переливается – яркая точка на тёмном. Эрвин почему-то рассмеялся и вывернул руль, бросая машину в крутой поворот. Движок взвыл, чёрная вода забурлила, встала стеной, распоротая ревущими винтами. Ветер сдул назад волосы, хлестнул брызгами по лицу.

Сзади – девичий визг, из приёмника рвутся, звенят гитарные переливы. Беглое перо вьётся уже над головой, яркое пятно, алое в тёмном небе. ДаКоста подпрыгнул с места, ловко схватил его в воздухе, упал вниз, ногой – на стальную кромку фальшборта. Взмахнул руками, закачался, балансируя над чёрной водой. Эрвин бросил руль и – за ворот, одним коротким рывком – втащил его обратно. Лианна фыркнула – под нос, по кошачьи, но из рук ДаКосты перо обратно приняла. А Миа, старшая, поблагодарила – наверное, звучали напевные переливчатые слова именно так. Почему-то Эрвина, сверкнув озорными глазами. Эрвин кивнул в ответ, глядя в зеркало на то, как бьются тёмные волосы на ветру. Солнце почти зашло, последний луч вспыхнул огнём её плечах, пробежал багровой змейкой по шее, щекам и высоким скулам. Отразился, мигнул лукавой искрой в глазах. Эрвин только спустя пару минут сообразил, что они летят по воде совсем в другую, от базы, сторону.

Опомнился, развернул бэу – уже осторожно, не дай бог выронишь кого, огляделся – берега тонули во тьме, сливались с небом. Тёмным, глубоким небом. Белой тускнеющей полосой кое-где – кромка прибоя. Только она и разводила небо, воду и землю позади. Впереди – скалы, закат бьёт в глаза, вода и скалы – одинаковы и черны в неровном свете. Нога невольно вдавила газ. Ночевать на воде не хотелось.

– Глянь, брат, где мы? – крикнул Эрвин.

ДаКоста пожал плечами в ответ, покопался в планшете, чертыхнулся пару раз и виновато развёл руками

– Нет связи.

Солнце скрылось уже, нырнуло под воду. Небо на западе ещё горело – неярким, оранжевым, последним на сегодня светом. Как пеленой. И, в этой пелене, над водой – тонкая линия. Изогнутая, знаком вопроса.

«Может это наш Чарли? – подумал Эрвин, вспомнив прикормленного утром морского змея, – тогда и база должна быть рядом»

Бэа, стуча двигателем, свернула к берегу, за пологий мыс. Полоска прибоя отступила назад. Девчонки позади заговорили – на три голоса, все сразу. Звонкие голоса задрожали

и взвились ввысь, подобно испуганной птице. Эрвин повернул голову. И не сразу понял, что он видит – за полосой прибоя, на берегу. Это было похоже на стайку невесомых, воздушных шаров, прилёгших на пляж – отдохнуть в тени, меж зелёных пальмовых веток. Тёплый, домашний свет мерцал, струился, тёк сверху на листья и на белый песок, ложился полоской на шумящую воду. Шелестели деревья. За верхний шар зацепилась луна. Эрвин сморгнул ещё раз, протёр глаза, Все не мог понять, почему она здесь треугольная. Потом хлопнул себя по лбу – догадался.

«Это же старина „Венус“ висит на орбите. У него тоже отпуск, как и у нас. А шары – Ирка молодец, провела в наш временный дом электричество».

Эрвин довернул руль, выгнал усталую за день машину на берег, подальше от надоевшей за день воды. Заглушил двигатель, прыгнул через борт, потянулся, разминая усталые ноги. Посмотрел в небо над головой. Чёрное, звёздное небо. Шумел камыш, тонкие стебли, раскачивались, гнулись под ветром над головой. Мягкий, щекочущий уши звук, такой приятный после гула и рокота мотора. Рокот волн – прилив с тонким шорохом катал по пляжу крупную гальку. С белой табличкой на палке, крепко вбитой в песок.

«Чарли не кормить. Обожрался»

Морской змей Чарли смотрел на это все с высоты, высунув из воды длинную, тонкую шею. Грустно качалась в воздухе треугольная гребенчатая голова. Видимо, примерял на зуб рукописное безобразие. Эрвин подошёл, посмотрел – внизу размашистая подпись – И. Строгова, волонтёр флота.

Заскрипели по песку сапоги. То есть не сапоги – форменные дамские ботинки. Синей, в цвет моря, волной плещется над коленями форменная юбка. Ирина Строгова вышла навстречу.

– Привет, – машинально сказал Эрвин, опомнился и стёр с лица самую глупую из улыбок

– Привет. Слушай, а это кто?

За спиной – испуганный писк. Эрвин обернулся. Девчонки с деревни старательно прятались ему за спину. Все, кроме мелкой Маар, уставившейся, раскрыв рот, на диковинного морского змея.

– Эрвин, кто это?

– Культурные особенности, хура их дочь, помнишь – подписку давали? Старшую, вроде, Миа, зовут, если я правильно понял. Сеть не включили ещё?

– Нет, пока, – машинально ответила Ирина, глядя во все глаза. Обе «Культурные особенности» отвечали ей тем же... Насторожено, что в их положении понятно.

Эрвин пожал плечами и пояснил:

– Там какая-то заваруха у них в деревне случилась, какая – не понял. Переводчик с собой был, но стандартная прошивка ничего, кроме «Аздарг капут» переводить не хочет. Сеть дадут – скачаю нормальную, посмотрю запись и разберусь, а пока – пригляди за ними, ладно?

Ирина кивнула. Машинально. Мелкая Маар явно нацелилась нарушить строгое письменное предписание. То есть морского змея покормить...

«Черт, как бы Чарли её саму за пищевой концентрат не принял», – подумал Эрвин, срываясь с места на бег. Вслед за Ириной, она успела чуть раньше. И туземной Мией, со всех ног рванувшейся туда-же. Чуть не столкнулись в итоге, еле устояли на ногах. И долго смотрели, как улыбающаяся во весь рот малявка гладит и чешет за гребнем рогатую голову. Зверь прикрыл глаза и тихо заурчал. Миа засмеялась. Эрвин пожал плечами:

– Ну, не в лесу же их оставлять...

– Ладно. Найду ведомости, оформим, как вспомогательный персонал.

Ирина махнула рукой. Эрвину, в стиле – ну что с вами, обалдуями недисциплинированными делать. Потом – туземкам: пошли, мол. Покажу куда.

И все четверо пошли. Маар, правда, пришлось отрывать от рогатого Чарли. А Эрвин остановился, поглядел им вслед, прикидывая, что раз информационной сети еще нет, надо идти к следующему пункту плана. То есть, к превентивной чистке флотских морд, чтоб не думали лишнего.

– Пегги надо будет сказать, И к парням с реакторного зайти, чтоб руки при себе держали..

Это ДаКоста подошел. Эрвин усмехнулся – похоже, они с матросом в одну сторону думают. Хлопнула пробка, в ночном воздухе поплыл тонкий, пряный аромат. Тросниковая туземная бутылка. ДаКоста поднес было горлышко к губам, потом на миг замялся:

– Слушай, брат, а какой сегодня день?

– Вроде, суббота.

– Ну, тогда, For our Wives and Sweethearts, (за жен и любимых – традиционный субботний тост королевского флота)

И поднял к горлу бутылку. Традиционный флотский тост.

– and may they never meet (и пусть не встречаются), – по традиции ответил Эрвин и отхлебнул в свой черед, глядя как Ирина с черноглазой Мией, Лианной и малышкой Маар идут к сияющему мягким светом дому. Судя по жестам, три девушки уже общались вовсю, и языковой барьер помехой им не был.

Глава 6 Миа. Эрвин. Остров. Шелест камыша

Миа, неприкаянная дочь Туманного леса

Когда зверь железный в реку нырнул – испугалась я не на шутку. Думала, вверх по течению повернём, к городку крестовых. Была я там – безопасно, скучно, дома каменные, кресты вокруг да слова в ушах непонятные. Только и радость, что поют красиво. Только мы не туда повернули, а вниз. В дельту, в пасть тварям речным. Наши туда не ходят, а кто ходит – те не возвращаются. Маар – мелкую дома ещё пугали, чтобы лучше спала. «Не ложись, де, на бочок». А теперь мы и сами перетрусили. Но обошлось, зря твари речной водой булькали да к нам жвалы тянули – крестовый воин им не по зубам оказался. Орёл. И сам – орел и машина его рычащая, ладная. Ой, и звонкий же рык у нее. Грозный, да стройный, уверенный я аж заслушалась. А потом мы на море вышли, она под нами и лодкой обернулась, опять зарычала да поплыла. Куда – не знаем, вода чёрная за бортом бурлит, на небе закат огнём плещет, звезды над головой мерцают да в ожерелье богини складываются. И – гляжу – крестовый паренёк впереди на небо косится, да голову в плечи вжимает. Невольно, но явственно. И лицо у него – в стекло хитрое видно – белое все. Лианна нос кривит да посмеивается, а я смотрю и от страха холодею... Ошиблась я, не крестовый это. С небесного корабля человек, слышала я – это они звёзд и неба боятся.

– Как так? – Лианна спрашивает. Не верится ей. Как бояться, если оттуда пришли, едва ли не руками звезды щупали? Вон корабль их в небе висит, жёлтым светом горит, невесть как с богиней ночью не сталкивается.

Паренёк на носу оборачивается на нас, смотрит. Глаза большие – видно, не понимает он нас, просто голоса слушает.

– Да так, – отвечаю Лианне я, – слышала я про корабль тот: ящик то железный без дверей, без окон. Крестовый бог туда своих людей запикивает, в небо швыряет – себя славить, слова непонятные по миру разносит. А может, на богиню ночную взелся, с неба сбить хочет, ожерелье звездное рассыпать – кто их, богов этих знает, зачем дерутся и чего не поделили они.

Говорю, подружек успокаиваю, а у самой руки трясутся. Ой, плохо мне. Звёздные – они такие, в ящике по небу лететь – с умом расстаться недолго.

Как бы ни пришлось нам с Лианной обратно, к вождю в лапы бежать.

Но обошлось.

Уберёт великий предок, обошлось. Оклемался парень, собрался, зверя своего железного по воде погнал. Ведёт, зверь ревет, парень вперёд смотрит, ветер в лицо – лишь пена летит, да волосы развеваются. Видно, не паренёк уже – воин, не хуже наших, цацками увешанных. Абы кто дракона не убьёт. А Лианна-чертовка ещё и перо с волос на воду уронила – достал. Он, да приятель его мелкий, он еще чуть не убился при этом. У меня аж сердце заколотилось, а Лианна знай себе, фырчит под нос.

А там мы и до берега доплыли. На дом звёздный посмотрели, из пузырей сверкающих сделанный, на чудо морское, к рукам приученное, да на машины странные – я от удивления

и забыла, что бояться надо. И правильно сделала – встретили там нас хорошо. Может случайно совпало, может великий предок подсобил – но как раз к ужину прибыли. Огонь горит, котлы булькают, женщины звёздные вокруг суетятся, и тут мы. Вовремя, чтобы показать, как Ур-раквину от скорлупы чистить, да в котле варить. Вкусная штука, если уметь. А я, слава предку – в этот раз не великому, папе моему – умею. И Лианна умеет, хоть и хуже, чем я. А звёздные не умели, да теперь научились. Хоть и без языка, на одних жестах – но не глупые они там, поняли, что к чему. Освоились и мы заодно, огляделись и на чужих людей посмотрели.

Люди, как люди, хорошие. Высокие, низкие, кто бритый, кто с бородой. Одежка простая – наши вояки морды бы покривили – да удобная. А кожа на лицах тёмная, мутная, в складках вся – густых, что татуировка наша, только без смысла. И вечно красные глаза – видать плохо им там, наверху, в железной коробке. Я бы, наверное, вообще померла. На шум и старшая звёздных пришла – тоже девка, только в железе. Видно, что воин и мужики её слушаются. Лианна когда её, в броню закованную, увидела – опять фыркнула под нос, совсем по кошачьи, да сказала, что у звёздных ум от тряски поехал, когда бог крестовый их ящик в небо швырял. Где это видано, мол. А я ещё подумала – хорошо бы нашу деревню так запустить, может у вождя и его своры ум от тряски на место встанет. Поговорили мы. Немного, по-нашему, по-человечески она едва десяток слов знала, а я по-ихнему и того меньше. Так что руками помахали и разошлись.

А там и ур-раквина в котле созрела, над деревьями запах поплыл – острый, вкусный, аж в животе заурчало. Ужин подоспел. И парень светловолосый, что нас от деревни вёз, обнаружился – подошёл, есть позвал. По чину, вежливо, как полагается. На пальцах, конечно, на нашем он вообще ничего не умел. Но руками махал забавно, грех отказаться. Огонь горит, люди вокруг сидят – не как мы, без порядка. Сидят, ур-раквину в пальцах щёлкают, едят, нахваливают. А там и брага привезённая подоспела. Выпили они по одной, потом следующую...

Огонь на камнях горит, дрова смолою трещат, языки пламени под ветром трепещут и гнутся. А песни у звёздных – длинные, тягучие, звук за звуком плывёт, на руладах – звенит ручейком, с ветром ночным перекликается.

– Нас извлекут из-под обломков... – песня плыла над лагерем, тягучая, протяжная песня нижних отсеков. Народ вокруг Эрвина опьянел – резко, как-то сразу и вдруг. В шуме ветра тонули негромкие голоса, стук стаканов и ложек. Огонь плясал тенями на грубых, уставших лицах. Парни с реакторного сидели перед огнём в кружок, вытягивая грубыми голосами свою тоскливую бесконечную песню.

«And there's that photo on the bookshelf

Among the yellow book for dust

In uniform, with shoulder-boards on...

And he will not her love...»

«Один бог знает, каким зигзагом пробрался сюда этот мотив – с равнин старой Земли, через грязь и полумрак нижних палуб – сюда, на шелестящие галькой пляжи иной планеты» – лениво думал Эрвин, оглядывая людей. Потом долго и мучительно пытался понять – что ещё за дела у него остались на сегодня. Сеть дадут не раньше утра – раньше некому, саперы гуляют вместе со всеми. Вон, их старшина уже заснул на песке, голову – на бревно, клочковатая борода торчит в небо. Ирина давно ушла и, получалось, дел для Эрвина на сегодня нет. Совсем. Стоило так подумать – усталость тут же взяла своё, подкралась на мягких лапах, оглушила, отдавшись звоном в голове и ватной мягкостью – в теле. стакан в руке опустел – давно плескалась в животе пряная местная самогонка. Звезды сияли на угольном ночном небе – неправдоподобно – большие и яркие. Мерцающие разноцветные огоньки, складывавшиеся на глазах в колдовские узоры. Шумело море, волны шипели вдали, катая по берегу крупную гальку. Шелестел ветер, гремели цикады – мерно, аккомпанементом ударных к тягучей земной песне. Туземки – Эрвин вздрогнул и повернул голову, невольно ища их глазами.

«Ответственный теперь за них, вроде, раз привёз»

Прислушался – в мелодию песни вплетаются гортанные звуки чужого языка. А чуть погодя нашел их и глазами. Все трое сидят чуть в стороне, благоразумно. Но тоже подпевают, пусть и не зная слов. Красиво получается. Мелкая уже заснула, средняя трепалась о чем-то с рыжеволосой растрепанной Лизой – крановщицей из третьего грузового. Без языка, на одних пальцах, свет от костра танцует джигу на лицах у обеих. Старшая из всех трех, Мия – вроде бы так ее имя – посмотрела Эрвину в лицо и улыбнулась. Льдистый небесный свет растекался, плясал под черными волосами – на щеках и высоких скулах, мигнул, отражаясь звездным огнем в широко распахнутых глазах.

Эрвин встал. Нога подвернулась, закачалась, дрогнула под подошвами, ставшая вдруг мягкой земля. Деревенский самогон оказался куда крепче, чем Эрвин думал. А в глотку тек так легко. Собрался, сделал шаг, потом другой. Вышел на пляж. Умылся, поймав в ладоши убегающую меж камней струйку воды. Волна разбилась о камни невдалеке, обдав Эрвина потоком брызг и соленой пены. Рубашка намокла, зато прочистилась голова. В деревьях за спиной закричала ночная птица. В пузырьчатом доме дрогнул и погас свет в одном из шаров – темное пятно на мерцающем желтом фоне.

«Должно быть, это Ирина. Спать легла, – подумал Эрвин, глядя, как гнутся и дрожат на ветру желтые от света листья деревьев, – пора и мне».

Эрвин шагнул было к дому, оскользнулся на гальке и вспомнил, что забыл занять себе квартиру в одном из пузырей. Не до того было. Под ногами зашипела волна, обдала сапоги белой, сверкающей пеной. Ветер задул с берега – несильный, теплый и ласковый, шелестящий листьями ветерок. Эрвин махнул рукой и решил, что будить Ирину из-за такой мелочи глупо. Развернулся и зашагал – по пляжу, мимо длинношеего Чарли, увлеченно закусывающего строгой табличкой. Походя потрепал морского змея по голове и свернул в камыши, к припаркованной бэхе.

Достал брезент из Н.З., кинул на землю и улегся сверху, бездумно глядя, как трепещут и гнутся камыши под ветром. Ярким, сверкающим обручем – звезды, их свет струился, плыл сквозь тонкие, шелестящие листья. Узор созвездий – странен и дик. Эрвин нашел желтую большую звезду, мерцающую, словно опаловая бусина. Вроде, Солнце. То, вокруг которого бежит

Земля. А рядом мерцающий алый гигант – мятежный Аздарг, если память не забыла школьную программу.

– А Семицветья отсюда не видно, – Эрвин еще успел этому огорчиться. Ненадолго, прежде, чем его веки сомкнулись...

**

Миа, непутевая дочь Туманного леса.

Врать не буду, сама не знаю, зачем я тогда встала и пошла прочь от костра. Крестового парня разыскать, да спросить про место ночлега. Вроде бы – это я так Лиianne сказала. В первой половине даже и не наврала. А вот во второй – ночь теплая, ветер мягкий, переночевали бы так. Сама не знаю, зачем. Или знаю, да не скажу.

Вот богиня ночная – она знает, с неба видела, да бог крестовых – его ящик железный как раз над головой проплывал. Треугольный, большой, сияющий – звезды меркнут. Я ему еще украдкой язык показала – пусть знает, как людей по небу швырять.

Показала, да и свернула в камыши. А там зверь-машина, да парень, что нас привез. Не утерпела, подошла, села рядом. Гляжу – спят. Оба. Дремлют. Машина на колесах, как ей и положено, парень рядом, на траву прилег. Утомились за день, забегались, одну непутевую дочь леса спасая. Теперь у машины скула набок, железо порванное блестит, да клык драконий в колесах застрял. А парень – лежит, кулак под голову закинул, лицо расслабилось, совсем

другой вид приняло. Истинный, как мама моя говорила. Видно, теперь, что доброе. Днем был упрямый да злой, а сейчас... Под глазом – синяк, да губы в кровь съедены.

А звезды с неба мерцают, Мие дурной подмигивают, словно видят все...

**

А Эрвину снилось родное Семицветье, закат – нормальный закат родной планеты. Семь цветов – семь полос на полнеба. В ряд, как на флаге. Стук каблучков, тень плывет навстречу – зеленая и голубая полоса заката делят ее надвое, кутают в свет, словно в плащ, играют в волосах. Лица – Эрвин во сне смотрел против солнца, не щурясь – не видно. И не нужно. Он и так знал, кто там идет.

Ирина Строгова.

Это Эрвину снился день их отлета. Три – или пять месяцев назад. Забыл. Неважно. Важно, что сейчас солнце на небе мигнет и скроется за борт висящего на орбите корабля. На его мир ляжет тень. Тогда он и разглядит ее. В гражданском, строгом костюме, на плече – черная, смоляная, коса, тонкие пальцы рассеянно крутят и теребят бантик на кисточке. Через мгновенье. А пока тягучий закатный свет кутал ее фигуру в радужное сиянье. И стук каблучков. Изящных длинных каблучков. Модельные туфли, странные на грубом бетоне летного поля.

– Привет, я тебя не знаю, – прозвенел голос в ушах. Тенью, воспоминанием. Эрвин кивнул. Скоро померкнет свет, они с Ириной скажут друг другу пару незначащих слов и разойдутся. Стук каблучков. Сейчас...

Мгновенье прошло. Свет не померк, наоборот – вспыхнул ярким, ослепительным блеском. Сияющим облаком, радужной короны в черных как ночь волосах. Прозвенели по бетону каблучки – близко, почти у уха.

«Тогда, в реальности, этого не было» – успел подумать Эрвин, прежде чем свет коснулся его губ. Ласково, мягко и одновременно – требовательно. Мир во сне вспыхнул, поплыл, закачался перед глазами. По губам растекся огонь. Сладкий, кружащий голову огонь, пахнущий дымом костра, корицей и пряным соком листьев тари.

«Этого не было»... – успел подумать он. Отстранился, насколько хватило дыхания, и прошептал:

– Ира, не надо, – уже понимая, что это не сон.

И открыл глаза. И увидел высокие скулы, лоб под затейливой челкой. Глаза – озера ясной воды. Широкие, полные озорной усмешки губы.

– Ирина не надо, – прошептал он еще раз. Звездный луч скользнул по ее щеке, вспыхнул на лбу диадемой алмазного света. И еще один – на шее, между ключиц. Эрвин сморгнул, уже поняв, что ошибся. Не Ирина. Туземка, как там ее...

– Не... – начал он. Слово слетело с губ – и кануло, растворилось в шорохах ночи.

– Ангиконди – ответила она. Мелодично и непонятно. Звездный свет задрожал на ресницах, губах вкуса теплой ночи, перца и пьянящей тари. Задрожал, вспыхнул костром, пробежал слепящей волной от ее губ по венам. Мысли смыло и унесло прочь из головы. Миа прервала поцелуй, откинулась, рубашка с тихим шорохом поползла с ее плеч. Эрвин затаил дыхание, сморгнул дважды, глядя, как мерцает и горит колдовским светом кожа. Серебряная диадемой на лбу вспыхнул далекий Архенар, берилловой искрой разметалась между острых ключиц таинственная голубая Спика. И алый, зловещий Азраг – прицельной точкой под налитой грудью.

Эрвин содрогнулся от нехорошего знака. Рука дернулась ввысь, поднялась, отгоняя морок, накрыла ладонью злую звезду. И замерла. Будто обожгло огнем – так странно было ощутить под пальцами упругую кожу, жизнь и тепло, вместо привычного холода переборок. Под кожей, под его пальцами – биение, нетерпеливое, яростное. Стук ее сердца. Такое, что в его груди сердце дрогнуло и забило в унисон. Лязгнула пряжка ремня. Миа приподнялась, закинув тонкую руку на борт спящей бэхи. Опустилась обратно. И земля под Эрвином вздрогнула и пошла вскачь. Бешено, в такт крови, звенящей в ушах, мерцанию звезд и рвущемуся ввысь хриплому дыханию. И крику, смятому, утонувшему в шорохе камыша и скрипу гнувшихся на ветру деревьев.

Глава 7 Пространство. Проверка документов

Корабль был красив – солнечный парусник, радужный, восьмилепестковый цветок, Осколок солнца – отраженный парусом поток излучения рвался, будто протуберанец, бил погоне в глаза. Ослепительно, даже сейчас, сквозь фильтры экранов.

– Опять ушел, – выругался Арсен Довлатов, пилот федерального челнока и в сердцах стукнул ладонью по пульту. Скрипнул зубами, не поймешь от ярости или от восхищения болтающейся в прицелах парусной скорлупкой. Это казалось невозможным, но это было – ветхий кораблик сумел увернуться от них в третий раз, опять подставив федералам корму и зеркало паруса. Сигналы челнока: «именем власти остановиться и принять досмотровую группу на борт» рассеивались, тонули в потоке отраженного парусом света. Формально – все маневры случайны, экипажу парусника нечего предъявить и все же...

– Да пристрели ты его, – лениво бросил второй пилот. Арсен пожал плечами – мысленно, не отвлекаясь. Парусник шел совсем рядом, пушки челнока достанут его без проблем. Одно нажатие на гашетку – и все, можно развернуться и лететь домой, оставив позади обломки и облако пара – все, что останется от беглеца. Радужно-яркой, изящной солнечной бабочки.

Арсен сердито мотнул головой, присвистнул и вогнал челнок в новый вираж прежде, чем перед глазами разошлась тень перегрузок от старого.

Под его пальцами челнок чуть сбавил ход, потом ускорился – резко, до кровавой пелены в глазах. Беглец увидел его и начал разворот, удерживая челнок в потоке отраженного парусом света. В прошлый раз это ему удалось. Сейчас Арсен дождался, когда все восемь лепестков паруса придут в движение, и повернул руль на себя. Резко, до звона в ушах. Компьютер тревожно запищал, замигал алым тревожный сигнал: «Предельный угол маневра, опасная перегрузка». По потолку – зеленый, мерцающий свет. Остаточное излучение гравипоглотителя, знакомое пилоту до боли, непонятное и опасное. Сейчас хитрый прибор впитывал губкой кинетическую энергию, давая федеральной машине выполнить невозможный, с точки зрения физики, разворот. Если накопитель переполнится, машина взорвется – такое бывало. От Арсена останется пепел и тень не стене. Плевать. Движок челнока ревел. На экранах заднего вида – сплошная стена огня. Дюзы – на полный. Ползунки индикаторов на панели стремительно ползли вверх – от зеленого сектора, через желтый, подбираясь ближе к красной черте – опасно! Звон крови в ушах. Но огненная спираль парусов, мигнув, схлопнулась на глазах в иглу и исчезла с экрана.

Арсен проводил ее коротким криком: ахой. Радостным, даже сквозь кровавую пелену. Челнок сбросил скорость, огонь погас. Перед носом у парусника вспыхнул багровый росчерк предупредительного. В ответ погасли радужные огни парусов, звездная птица послушно свернула крылья. На остром носу замигал белый огонек – сигнал сдачи. Арсен на своем месте у пульта выдохнул, встряхнул руками, разгоняя нервную дрожь. Удалось. С третьего раза Арсену все-таки удалось подрезать беглецу нос. Сказать кому – не поверят.

Но он был рад, что не пришлось стрелять. Понравился федеральному пилоту маленький дерзкий кораблик.

А вот его капитан – нет.

Это Арсен понял спустя двадцать минут, когда они поднялись с досмотром к нему на борт. Слишком высокий, слишком прямой, слишком – Арсен на миг замялся, подбирая определение – слишком гладкий для пространства. Конечно, каботажный грузовик – не их штурмовая птица, летает спокойно, даром крутится не любит и перегрузками лица экипажу в лепешку не мнет, но все равно – слишком гладкий у корабля капитан. И, для человека только что взятого на abordаж, слишком уверенный.

– Если мы пропустим маневр – я буду жаловаться, – говорил он, ровно, глядя Арсену в глаза. Пластинчатый десантный доспех и угловатый шлем за спиной добавлял десантнику и роста и ширины в плечах. Арсен возвышался над капитаном, как башня, но не похоже, чтобы это его беспокоило. «Странно», – думал Арсен, оглядывая спокойного, явно уверенного в себе капитана. Белый китель, потертый на локтях, но чистый реглан, дурацкая фуражка на голове. Командная зала мостика – капитану под стать. Надраенные, сияющие тусклым металлическим блеском стены, сводчатые, низкие потолки Эхом, в такт словам, мигали огоньки на брошенном пульте.

– Вы ответите. У нас не ваше корыто, мы не можем пропустить поворот по федеральной милости.

– Не пропустите, капитан. Просто дежурный осмотр, – отвечал Арсен, невольно дернув лицом на слове «корыто», – назовите груз.

– Ничего незаконного, федерал. Извольте.

Пискнул, принимая данные, тяжелый командный планшет. На экране развернулись в ряд зеленые и черные буквы. Глаза Арсена полезли на лоб.

– Что? – прохрипел он, не веря написанному, – если это шутка, то..

– Это не шутка. Груз законен. Жены господина Жан-Клода Дювалье...

– Какого черта они числятся в грузе?

Теперь удивился уже капитан – закашлялся, слегка поднял бровь при ответе:

– А где еще? Сто гол...

И осекся, не закончив фразы. Свинцовой дробью пронесся по мостику стук. Это Арсен машинально сжал пальцы в кулак. Бронированные, стальные пальцы.

– ... Человек, – поправился капитан, отступив на шаг. Сморгнул и добавил:

– Все законно, пилот. Жан-Клод Дювалье здесь, на Счастье большой человек, «шай-а-кара»...

Переводчик, помедлив, выдал в ухо перевод с туземного языка. Арсен удивленно сморгнул и переспросил, думая, что машина глючит:

– Муж тысячи жен?

– Да, – подтвердил капитан и, с похабной улыбкой, добавил, предвосхищая Арсенов вопрос:

– не волнуйтесь, не треснет.

– Он сейчас здесь? – переспросил Арсен, тняя время – данные коносаменты ушли с его планшета в комп челнока, подтверждение должно прийти с минуты на минуту.

– Разумеется, нет. Не задавайте глупых вопросов, федерал, время дорого.

Пискнул в ладони планшет. Подтверждение пришло – комп челнока обработал накладные, сверил с базой приказов и актов в своем мозгу и выдал зеленый вердикт – Законно. Точка. Потом экран мигнул и выскочило обоснование решения:

Приказ «Объединенной исследовательской корпорации»

Дата

Именем федерации и совета тринадцати директоров.

Всем службам федерации и компании, военным и гражданским – оказывать полное содействие господину Дювалье в его делах – служебных и личных.

Подпись.

Господин генеральный комиссионер. Не нынешний, с «Венуса» а старый, прошлого рейса.

Напоследок, печать. Электронная, длинный ряд цифр и штрихов, глухих, как тюремная решетка.

Арсен невольно сглотнул. Капитан улыбнулся – слегка, наблюдая за его замешательством. Помощник капитана – татуированный местный дикарь простоявший весь разговор неподвижной статуей в углу мостика – переступил вдруг с ноги на ногу. Лязгнула на его пояс сталь. Багровым огнем – татуировка на лбу. Не поймешь, что за знак, вроде молнии, перечеркнутой сверху вниз.

– Воняет, – прилетел голос из-за Арсеновой спины. Ровный, неживой голос без интонаций. Капитан сдернул фуражку с головы и вытаращил глаза, вмиг заметно бледнея. Арсен дернул лицом – настал его черед усмехаться:

– Мой заместитель, старшина Богомол. Седьмая десантная.

Уточнять дальше Арсен не стал. Пусть помучаются. Было с чего. Ольга Богомол, маленькая, изящная даже в латном доспехе блондинка с сизой, выцветшей челкой. И лицом, которое хирурги флота в свое время буквально собрали по кускам. Аздаргская нейроплеть, прямое попадание. Кожу и кости врачи восстановить сумели, нервы – нет. Опытное ухо Арсена поймало тонкий, чуть слышный звон – латными пальцами по бедру. Недоумение. А капитан

побледнел – неподвижное, без тени эмоций лицо десантницы могло напугать. И пугало. Арсена спрашивали втихомолку, не раз, вправду ли Богомол – только фамилия.

Она шагнула вперед, на середину мостика. Замешкалась на миг, переводя взгляд с капитана – под взглядом неживых глаз, тот рефлексивно шагнул назад – на помощника, убравшего руки на пояс. Обернулась и повторила свое:

– Воняет..

Арсен втянул воздух носом – на мостике не пахло ничем, лишь неизбежным для корабля острым химическим запахом дезинфекции. Дешевой и едкой. Заслезилась глаза. Помощник в своем углу тряхнул головой. Капитан сделал еще шаг назад, откашлялся и произнес:

– Время, федерал. Поворот... – голос его дрогнул. Чуть. Рука сжала фуражку. Арсен заметил, как побелели костяшки на этой руке, помотал головой и сказал:

– Я хочу осмотреть груз.

Капитан издал протестующий возглас. Лязгнула сталь. Помощник скользнул куда-то из своего угла, попал под холодный, немигающий взгляд Ольги Богомол и замер на полушаге.

– Быстрее, – рявкнул, теряя терпение, Арсен. Капитан скосил взгляд на него, на помощника, замершего статуей в углу, опять на него, вздохнул и сказал:

– Прошу, – показывая на дверь в углу мостика.

Ольга, в одно короткое движение головы показала помощнику капитана – иди, мол вперед. Татуированный дикарь замер на миг, опустил было руку на пояс, потом раздумал и подчинился. За ними шагнул в люк капитан, Арсен замыкал строй. Служебный коридор был темен и пуст. И потолок невысок, десанникам пришлось вбирать головы в плечи.

Поворот, лестница вниз, еще поворот. На стенах – решетки, их тусклая сталь, мерцала и переливалась в огне редких ламп. Шли в молчании, лишь эхом звенел стук шагов, да Арсен чихнул пару раз – так лезла в ноздри химическая, едкая вонь дезинфекции. Шагавший впереди помощник фыркнул под нос так, что качнулись в стороны сплетенные на затылке косы. Потом пришел стук. Глухой смутный стук, четкий, но с рваным, раздражающим ритмом. Поворот. Ольга на миг замерла – здесь странный звук бил в уши сильнее. Арсен невольно собрал пальцы в кулак, гадая, что за механизм там впереди может стучать, словно биться в падучей. За углом – железная, толстая дверь. Капитан шагнул вперед, повернул тяжелую рукоять, поклонился и сказал – прошу. Дверь открылась.

Странный стук усилился, расцвел, ввинтился в уши басовой россыпью музыкального ритма. Всего лишь музыка. Двери и переборки глушили все, кроме низких нот, опознанных ухом Арсена как биение механизма. Теперь он узнал мотив – старый земной хит, уже пару лет, как сошедший с танцполов.

За дверью – шелест и полумрак, раздираемый музыкой и вспышками яркого, неверного света. Одна из вспышек попала Арсену в глаз – тот невольно сморгнул, шагнув внутрь. Открыл глаза. За дверью был зал, полутемный и длинный. Крышкой надгробья – низкий, глухой пото-

лок. Завывающий музыкальный центр в углу. А посередине – бьющиеся в странном, изломанном танце фигуры. По виду – туземки. По зеркальной коже струились, плясали огоньки ламп.

«Застряли в музыке, бьются как мухи в паутине» – невольно подумал Арсен, шагая вперед. Еще раз чихнул – вонь дезинфекции смешалась с острым запахом пота. Зарябило в глазах. Танец был резкий, неправильный, больной какой-то. Движения не попадали в ритм, плавные при резких ударах и рваные, взлетающие – под гитарный, густой перелив.

– Что за черт? – рявкнул Арсен, недоуменно повернув голову.

– Что видите, – равнодушно пожал плечами капитан, – жены господина Дювалье изволят развлекаться.

Щелкнул динамик. Хрипло запел певец – сладким, искусственным голосом. Туземки начали подпевать, резко, как по команде. Без смысла, не попадая в такт. Каменные лица, слова – пустая, дежурная пошлость. Дрожащие, испуганные глаза. Ольга внезапно шагнула вперед. Зачем – Арсен вначале не понял. Поймала одну из танцовщиц за руку, дернула – резко, та вскрикнула в голос. И кивнула Арсену – смотри, мол.

На предплечье танцовщицы красовался выжженный крест – четырехконечный, латинский. Вполне узнаваемый.

– Христиане... – хрипло выговорил Арсен. Непонятно было – вопрос это или нет. Но туземка кивнула вдруг, и начала говорить. Быстро, захлебываясь в словах.

– Наш капеллан должен узнать об этом, – проговорила Ольга. Арсен, соглашаясь, кивнул. Он еще не успел поднять головы, как понял, что только что совершил ошибку.

Большую. Смертельную.

Воздух вскипел над виском, обжег кожу, оставив боль и огненную дугу в глазах. В нос ударил щекочущий, острый запах озона. Беззвучно упала Ольга – как стояла, с места завалилась назад. На виске задымилась дыра сгоревшей, обугленной плотью.

«Лазерный луч, прямое попадание», – отметил краем сознания Арсен, поворачиваясь – мгновенно, как большая дикая кошка. Истошно закричал задетый вскользь капитан.

Забытый Арсеном на миг за спиной татуированный дикарь-помощник выстрелил еще раз. Лазерный луч прошел капитана насквозь, разом оборвав дикий крик. И впустую сгинул, разбился о наплечник брони. Еще один выстрел. В Ольгу, добивающим. Ненужным уже. На голове у Арсена глухим стуком захлопнулся шлем – вытянутый, шипастый шлем брони высшей защиты.

Лязгнул, покидая ножны на поясе, десантный штык-нож – однолезвийный широкий клинок с шипами на обухе. В предплечье ударила винтовочная пуля. Прозвенела, чиркнула, выбив искры из полированной стали и рикошетом ушла в сторону, разнеся вдребезги музыкальный центр. Звук в динамиках захрипел и умолк. Девчонки, взвизгнув, прижались к стенам, попали на пол, открывая Арсену противника.

Врагов было десять – суровых, плосколицых дикарей с перечеркнутой молнией на лицах. Хорошо вооруженных – воздух вскипел, в броню Арсена ударили еще две пули и пять лазерных лучей. Вспыхнула, зазмеилась по полу ослепительная зеленая молния – нейроплеть. И умерла. Тут же – Арсен одним коротким рывком ушел из-под удара, развернулся и перерубил клинком огненную змею. Лазерный луч разбился о шлем. Новый прыжок, лягз стали и короткий хруст – оператор нейроплетки упал с разрубленным горлом. Новый залп.

«Кванто кхорне», – звенел в ушах гортанный боевой клич. Дикари дрались с холодной, расчетливой яростью. И бесполезной – лучи лазеров не брали десантную броню, пули звенели впустую, рикошета от кирасы и шлема. Дважды Арсена сбивали с ног, дважды он поднимался – огромный, страшный, неимоверно-быстрый для своей тяжелой брони. Прямой десантный клинок взлетал и падал в руках, рвал воздух, метался алой от крови рыбкой. Девять взмахов – коротких, быстрых и четко рассчитанных. На десятом Арсен с немым изумлением заметил, что вокруг тишь. Стрельба улеглась, бой умер, вместе с последним из противников.

– Вот тебе и оказали содействие, – ошалело прошептал он, тряся головой. Десантный нож нырнул вниз, лягнув на прощание о медную оковку ножен. Зашипел сжатым воздухом шлем, откидываясь назад с головы. Из другого конца зала – причитание и мелодичный, тоскливый звук. Убитая Ольга Богомол так и лежала смятым кулем, там где упала в начале боя. Уцелевшие туземки поднимались, собрались вокруг нее в кружок, причитая тоскливыми голосами. Чужая речь звенела, сплетаясь в протяжный, странный мотив. Арсен решил было – в плач, потом подумал, что в песню. Тоскливую погребальную песнь на чужом языке.

Одна из них поднялась вдруг, заговорила, обращаясь к Арсену. Слов он не понял, знакомыми был только «Патер», «Мария» и еще несколько. А потом перекрестилась в конце. Слева направо, на латинский манер, торжественным, узнаваемым жестом.

– Все будет хорошо, сестра, – так же торжественно, на полном серьезе ответил Арсен, гадая, как теперь этого добиться.

**

План в его голове сложился через пару часов, когда все, что могло ходить убралось с проклятого корабля. Домой, на десантный челнок, зависнувший рядом. Освобожденных спрятали в пассажирский отсек, тела убитых вынесли тоже. Ольгу надо было похоронить, капитана и прочих, татуированных – изучить, может найдется зацепка. Живых – разместить благо трюмы челнока позволяли, и успокоить. Экипаж челнока был, по отпускному времени, урезан, работы хватило всем. А потом отработали маневровые, челнок отошел от пустого, брошенного в пространстве, корабля и у Арсена появилось время развалиться за пультом управления челнока и подумать.

Думалось, почему-то, о странных вещах. Вроде «почему я полез в драку с ножом, если уставное „Добро“ болталось на поясе?» Арсен на полном серьезе думал об этом минут эдак пять, потом вспомнил чудовищный танец, кресты на руках, дрожащие, испуганные глаза. Махнул рукой и решил, что так было правильно. «Добро», в конце концов, у Арсена казенное а вот ножик – свой. Отцовский, фамильный, с гравировкой на лезвии. Большеглазая, кривая морда с вытянутыми глазами. Надпись: «Призрак» вилась по обуху славянской причудливой вязью. И четыре цифры.

«2014».

Как раз по профилю ножу такая работа. Потом Арсен долго ковырял броню, пытаясь понять, что свихнулось в ее электронных мозгах, и почему тестировщик сообщает о пробитиях, которых быть не могло. Глюка не нашел, плюнул, отключил надоевший сигнал и подумал, наконец, о важном:

«что со всей этой хренью делать?»

Арсен примерно представлял, что делать нельзя. Нельзя делать то, что требовал устав – то есть посылать рапорт по стандартным каналам. Так он уйдет капитану корабля, флотским – а эти пьют с рук гражданских властей и поют с голоса господина комиссионера. Приказ о содействии, высший уровень, суровая печать – гражданские власти заставят Арсена девчонок вернуть и еще извиниться перед неведомым господином Дювалье.

«Муж тысячи жен», – вспомнил Арсен вдруг, усмехнулся и решил – нафиг. Пусть алименты заплатит сперва. Но тогда... впрочем, перед смертью Ольга сказала правильно – корабельный капеллан должен узнать об этом. Отец Игнатий был крут, и руки у него – едва ли не длиннее, чем у гражданских. И еще непосредственное начальство десантной бригады – генерал Музыченко, комбриг семь. Стружку он, конечно, с Арсена снимет, мало не покажется, но и не сдаст. Раньше никогда не сдавал, мужик серьезный.

А официальный рапорт подождет, пока челнок на малой скорости доползет до базы – авось к тому времени большому начальству будет не до господина Дювалье. Арсен присвистнул, приняв решение, и набрал на клавиатуре первое сообщение – генералу. Зашифровал, развернул челнок антеннами к базе и отправил. Со вторым пришлось подумать, выходов на церковные власти флот абы кому не давал. Впрочем – кроме официальных каналов всегда есть и неофициальные, небыстрые но надежные. Второе сообщение ушло через полчаса когда в зону видимости челнока влетел подломанный саперами «на всякий случай» гражданский ретранслятор. Короткое сообщение открытым текстом – на поверхность, старому товарищу.

Оставалось последнее дело. Арсен развернулся, тронул пульт. Замер на миг, глядя в экран. Брошенный парусник парил в космосе – изящная, острокрылая птица. Красивая, переливающаяся огнями в отраженном свете звезды. А носу бился и трепетал белый сигнал. Бортовой компьютер беспокоился, звал, предупреждая мертвый уже экипаж о пропущенном маневре. Корабль был красив – даже сейчас, со свернутыми парусами.

– Не повезло тебе с экипажем, кораблик. Извини, – прошептал Арсен, вдавливая гашетку. На экранах – короткий огненный росчерк, из трюмов чуть слышный лязг. И слепящий плазменный взрыв размазал по пространству ставший вдруг вещественным доказательством парусник.

Челнок развернулся и улетел. Сообщение с его борта улетело тоже. Через космос, на орбиту планеты Счастье. Подломанный десантными саперами гражданский ретранслятор поймал его, перевел в нули и единицы сетевого кода и отправил вниз – на поверхность планеты, на базу отпускников, Пегги Робертс, майору десантной бригады. Старой подруге Арсена. И – после ряда инцидентов – хорошей знакомой отца Игнатия, корабельного капеллана G. S. Venus

– Пегги. У нас проблемы...

Глава 8 Ирина. Остров. Культурные особенности

Ирину Строгову разбудил звон дождя за окном. Мерная, весёлая дробь по стеклу и игри-вое журчание воды в стоках. Знакомый, родной звук – спросонок Ирина подумала, что она дома, на Семицветьи. Отцовское поместье в Скалистых горах, высокий бревенчатый терем с резными, всегда распахнутыми окнами. Сейчас с недалёкого космодрома долетит глухой рёв, раскрасит небо сполохом огня десятичасовой почтовый транспорт и старенькая фрау в белом переднике позовёт маленькую Иру на завтрак. За окном звенел дождь. Транспорт так и не заревел. Ирина проснулась.

Дождь падал на «Счастье» серой косой волной, звенел барабанной дробью на крыше, играл, змеился струйками воды на песке. База отпускников тонула в звенящей воде, мокли под струями забытые краны, контейнеры и тупоносые, кургузые бэхи. Ирина распахнула окно – не сразу, свеженавешенную ставню слегка, но заело, криворукому Эрвину досталась пара ласковых слов – и замерла. Капель прозвенела по подоконнику, брызги коснулись лица – словно умыли, нежно и ласково. И вода тёплая, как в бане у отца. С дождём в распахнутое окно ворвался ветер, ворвался, скрутил и смешал волосы, переворочил бумаги на столе, и ушёл, оставив Ирине в комнате пряный запах чужого леса и свежий – дождя и палой листвы. Косая пелена разошлась, показав Ирине на миг чёрное море, белый прибой и длинную, качающуюся над водой шею с маленькой головой, украшенной высоким гребнем. Шея изогнулась на миг, лягнула треугольная пасть. Морской змей Чарли подхватил что-то невидимое с земли, подкинул в воздух и с хрустом сожрал. Ирина улыбнулась. Она уже проверила прикормленного зверя по энциклопедии – безопасен. Безобидный травоядный зверь, отрастивший длинную шею, чтобы было удобнее собирать листья с веток на берегу. На кровати пискнул забытый планшет. Чарли повернул голову, кося одним глазом на окно. Ирина улыбнулась непонятно чему ещё раз, отвернулась и подхватила планшет. Дали сеть. Закипел чайник. Ирина, выругала ещё раз Эрвина про себя – не там, мол, приварил розетку, неудобно – налила кофе и села разбирать текущие дела.

Таких набралось немало. Начальство из столицы разродилось серией приказов по личному составу, десантная Пегги не мудрствуя лукаво, переслала их Ирине – с пометкой «разобраться и доложить». «Как самой умной», – фыркнула Ирина под нос и разобралась одним росчерком пальца – то есть отправила в мусор. Потом залезла в сеть и шутки ради вбила приказ в базу данных – дата, номер дела, подпись десантной Пегги. Позаимствованная как раз на такой случай электронная печать. Морской змей Чарли в момент обзавёлся местом работы, табельным номером и должностью «эксперта по утилизации бытовых отходов». Судя по хрусту за окном – зверь уже всю приступить к выполнению служебных обязанностей. То есть ещё что-то сожрал. Строго в соответствии с уставом. Пусть теперь разбираются.

Дождь хлестал за окном, звенели струи по пластику стен. Кофе в кружке остыл. Дела кончились. Как-то вдруг, Ирина даже не поверила сразу, пару раз ткнув пальчиком в иконку почты – но новых сообщений «важно, секретно, не позднее вчерашнего дня» больше не падало. Отпуск. Это было непривычно до звона в ушах и лёгкого хаоса в мыслях. Глаза невольно пробежались вокруг, по обустроенной вчера комнате – мерцающие круглые стены, досчатый пол, полки – их Эрвин сбил на совесть, как надо. Бумаги, синяя флотская форма – все сложено в аккуратные стопки и лежат в ряд. Лишь на столе – куске срезанного со стены пластика – небрежно валялся брошенный вчера вечером прибор. Ирина нахмурилась было, узрев непорядок, потом вспомнила – электронный переводчик из н.з. бэтэра, Эрвин его оставил тут.

Вчера, когда они с ДаКостой вернулись из своей дурацкой поездки. Ещё и туземок привезли, два обормота.

«Интересно, во что он влип?» – подумала Ирина, подцепила к планшету прибор и начала разбираться.

Видео схватки с «драконом» Ирину впечатлило, чтобы не сказать больше. Хорошее было видео, качественное. Девушка даже побледнела слегка. Потом ещё раз, слазив в местный вариант «красной книги» и убедившись, что крылатый кошмар там есть. В качестве особо охраняемого объекта природы.

«Эх, Эрвин, не можешь не накуролесить», – с грустью подумала Ирина, освежая в памяти компа установленные законодательством пределы самообороны. Потом перемотала видео чуть вперед. Экран мигнул, картинка прыгнула, показав Ирине морду туземного вождя, его поднятые руки, сжавшихся девчонок и стек с головой дракона.

«Эрвин, во что ты влип», – прошептала Ирина, невольно закусив губу и гоня картинку взад вперёд по экрану. Из динамиков колокольным звоном летела чужая, незнакомая речь. Слова звенели и падали – мерно, в тон журчащей воде за окном. На экране мелькнул стек, трость с головой дракона взлетела вверх, описала круг и упала Мие на плечи. Ирина свернула окно, открыла опять список приказов, внесла, яростно стуча тонкими пальцами по экрану, еще два – о приёме туземок на работу. Вспомогательный персонал.

«В конце-концов, надо честно сказать – с их помощью ужин стал куда лучше обеда, – сказала она себе, успокаиваясь. Палец запнулся на миг, – Черт, мы даже имён их не знаем. Надо разобраться».

И с этими словами полезла на в сеть, искать нормальную прошивку под переводчик. В пределах военного разговорника – бесполезно. Там все больше про танки да артиллерию, за жизнь много не наговоришь.

Вот только в сети Ирину ждал неприятный сюрприз. То что лежало в открытом доступе, на серверах гражданской службы – было даже беднее куцего военного варианта. А полный отсутствовал, страничка от лица администрации извинялась и посылала пользователя на церковные сервера. А те встречали гостей латинским крестом, иконой и строгим предупреждением:

«Во имя господа, неавторизованным пользователям вход воспрещён». Для гостей на сервере лежал катехезис, своим – предлагалось ввести пароль. У Ирины загорелись глаза. Отцовскую систему безопасности папина дочка случайно взломала в шесть лет. Отец шалость заметил, строго отругал и стал давать мороженное за каждую найденную брешь в корпоративном файрволе. Мороженное было вкусное, фабричной работы, на палочке. Церковный сервер не устоял. Ирина поблагодарила сама себя за хорошо проделанную работу, сглотнула слюну, выгоняя из памяти белое, тающее на языке воспоминание и поставила на прошивку. По экрану пробежал индикатор – жёлтая полоса. За окном звенел дождь, капли бились о подоконник, взлетали брызгами и стекали по стеклу. Вода билась и журчала в водостоках. Неторопливый, успокаивающий звук. Ирина переплела волосы, оделась. Неторопливо, ловя отражение своего лица в мареве дождевых капель. Эрвин обещал найти зеркало и забыл. Скотина. База спала,

укрытая с головой пеленой косого дождя. Морской змей Чарли качал в воздухе головой, чесал шею о стрелу порталного крана. Железяка гнулась и трепетала в ответ на ласку.

«Нашёл подружку», – невольно улыбнулась Ирина и вздрогнула. В звон дождевых капель вплелись голоса. Гортанные, мелодичные голоса из-за двери.

«Эрвиновы туземки, наверное, – подумала Ирина, доплетая косу, – дождь загнал их под крышу»

От стола – короткий, сдавленный писк и мигание экрана. Прошивка окончена, прибор доложил о готовности.

«Вот и проверим», – сказала себе Ирина, нацепила динамик на ухо, накинула на плечи форменку и шагнула за дверь.

Туземки обнаружили в коридоре, под лестницей. Все мокрые – дождь и впрямь загнал их под крышу. Но не похоже, что это их беспокоило. Сидели, все трое на полу в закутке, огорожившись куском ткани от чужих глаз. Переговаривались чуть слышно, мелодичными, звенящими голосами. И – Ирина невольно затаила дыхание, замерла, пытаясь понять, что они делают. Зрелище было странным, по меньшей мере.

Старшая из всех троих – Миа, Ирина запомнила её имя ещё вчера – сидела на полу подогнув под себя ноги. Неподвижной статуей, мерцающей в полумраке. Странно для недавно весёлой, широкоскулой и улыбчивой девушки. А две остальные крутились вокруг, негромко переговариваясь звенящими в тишине голосами. Движения рук плавны и торжественны, словно непонятный ритуал. Даже мелкая, подвижная как ртуть Маар сидела тихо, лишь руки подрагивали – видно, как ей тяжело усидеть на месте. А средняя, тонкорукая и изящная, хлопотала вокруг подруги, прикладывая к её лицу алые, длинные полосы. Осторожно, завивая в хитрую спираль. Осмотрела, замерла на миг, любуясь узором. Прогладила ладонью. Багровыми искрами брызнула кровь. С краев алой ленты щерились, впиваясь в кожу маленькие, игольной остроты когти. Сорванные лепестки цветка тари – Ирина опознала их, приглядевшись.

«Наверное, это больно», – подумала она, невольно поёжившись. Но туземка сидела ровно, лишь веки дрожали слегка, когда очередной острый шип протыкал кожу. Потом лепесток свернулся и отлетел, оставив на память ровную дорожку кровавых следов на шее. Та улыбнулась, провела по шрамам пальцами, смазанными тёмным, густым, резко пахнущим зельем. Точки уколов почернели на глазах, свиваясь в завораживающий узор татуировки. «На счастье» – переводчик в ухе сработал, переведя в живые слова мерный речитатив чужой речи. На глазах у Ирины шёл ритуал, загадочный и непостижимый. Уже давно – знаки свивались, ползли, покрывали узором ещё вчера чистое лицо. Шея, звёздочка на висках, на лбу – Ирина сглотнула, распознав в линиях поверх тонких бровей драконье крыло и сильно стилизованный, но различимый контур федерального бэтээра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.